

ИСТОРИЯ ВЛАСТИ
ОТ ПЕТРА I
ДО НИКОЛАЯ II

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ДЕЯТЕЛИ РОССИИ
ГЛАЗАМИ СОВРЕМЕННИКОВ

С. Ю. ВИТТЕ

Государственные деятели России глазами современников

Сборник
С. Ю. Витте

ИЦ «Пушкинского фонда»

2018

УДК 94(470+571):929
ББК 63.3(2)6-8ВиттеЗ

Сборник

С. Ю. Витте / Сборник — ИЦ «Пушкинского фонда»,
2018 — (Государственные деятели России глазами современников)

ISBN 978-5-9500595-2-0

Сергей Юльевич Витте сыграл одну из определяющих ролей в судьбе России. Именно ему государство обязано экономическим подъемом конца XIX – начала XX веков. Именно он, обладая прагматическим умом и практическим опытом, стабилизировал российские финансы и обеспечил мощный приток иностранного капитала. Его звездный час наступил, когда в разгар революционного катаклизма он сумел спасти монархию, сломив сопротивление императора и настояв на подписании Манифеста 17 октября, даровавшего гражданам России основные свободы, в том числе право выбирать парламент – Государственную думу. Он был противником войны с Японией, ему не удалось ее предотвратить, но удалось заключить мир на приемлемых условиях. История распорядилась так, что Витте оказался заслонен блестящей и трагической фигурой своего преемника Петра Аркадьевича Столыпина. Между тем и в политическом, и в экономическом плане Столыпин продолжал дело Витте и опирался на его разработки. История Витте – драматическая история человека, чужого для придворной элиты, сделавшего исключительно благодаря своим дарованиям стремительную карьеру, оказавшего огромные услуги своему Отечеству, отторгнутого императором и его окружением и отброшенного в политическое небытие. Предостерегавший из этого небытия от вступления в мировую войну, он умер за два года до катастрофы февраля 1917 года, которую предвидел. Многочисленные свидетельства соратников и противников Витте, вошедшие в эту книгу, представляют нам не только сильную и противоречивую личность, но и не менее противоречивую эпоху двух последних русских императоров, когда решалась судьба страны.

УДК 94(470+571):929

ББК 63.3(2)6-8ВиттеЗ

ISBN 978-5-9500595-2-0

© Сборник, 2018

© ИЦ «Пушкинского фонда», 2018

Содержание

И. В. Лукоянов	7
С. Ю. Витте	25
[С. Ю. Витте]	25
Часть первая	25
Часть вторая	33
В. С. Нарышкина-Витте	38
Часть первая	38
А. Е. Кауфман	42
Конец ознакомительного фрагмента.	47

И. В. Лукоянов

Сергей Юльевич Витте

© Байков Н. А. (наследники), 2018
© Лопухин В. Б. (наследники), 2018
© Нарышкина-Витте В. С. (наследники), 2018
© Руманов А. В. (наследники), 2018
© Лукоянов И. В., составление, вступительная статья, примечания, 2018
© Обласов В. Ю., оформление серии, 2018
© ООО «ИЦ Пушкинского фонда», 2018
Издательство «Пушкинского фонда» ®

И. В. Лукьянов

С. Ю. Витте в воспоминаниях современников

Сергей Юльевич Витте (1849–1915), первый премьер-министр Российской империи (1905–1906), а до этого в течение более десяти лет министр финансов (1892–1903), является одним из крупнейших отечественных политических деятелей. По широте замыслов, настойчивости в достижении планов, общему пониманию проблем, с которыми столкнулась Россия, а также осознания ее своеобразия, рядом с ним в начале XX века трудно кого-либо поставить. Даже П. А. Столыпин, в наше время возведенный в ранг национального героя, в этом отношении проигрывает. Иное дело – личные качества. Здесь П. А. Столыпин, без сомнения, превосходит своего талантливейшего, но провалившего все «замеры» на благородство натуры современника. Увы, большая политика, да еще и в исполнении парвеню, никак не связанного со столичным светом, конечно же, не могла делаться в белых перчатках. Но здесь мы несколько забегаем вперед.

Биография С. Ю. Витте сегодня хорошо известна благодаря значительному числу исследований – десятки книг, не одна сотня статей, особое место среди которых занимают работы Б. В. Ананьича и Р. Ш. Ганелина – известных историков, изучавших деятельность Витте на протяжении полувека¹. О С. Ю. Витте начали писать при его жизни, в советское время доминировала негативная оценка политической деятельности министра, особенно во главе правительства, хотя специалисты-историки не могли не признать его деловых качеств и осторожно отдавали ему должное. Юбилей – 150-летие со дня рождения, отмеченный в 1999 году, – подстегнул интерес к персоне С. Ю. Витте. Появились и первые его обстоятельные жизнеописания, склонные, однако, к апологетике героя². Многократно издавались его воспоминания в разном составе³. Существует также собрание сочинений и документальных материалов – 10 книг записок и работ (по титулу – в 5 томах), под которыми стояло имя С. Ю. Витте (это не означает, что все они были написаны им), вышедшее в 2002–2007 годах под эгидой Института экономики РАН по инициативе Н. К. Фигуровской и так и не завершенное⁴.

Исследователи, как и современники, весьма неравнодушно относились к своему герою. Надо признать, что С. Ю. Витте немало способствовал этому сам. Он подготовил в 1911–1913 годах обширные мемуары, содержавшие многочисленные язвительные и уничижительные оценки его современников, среди которых лишь немногие удостоивались хотя бы снисходительной похвалы. Эти мемуары увидели свет в 1922–1923 годах. Вероятно, то была запоздалая месть С. Ю. Витте многочисленным противникам и врагам, от некоторых он, надо признать, действительно сильно претерпел при жизни. Так он обрек себя на долгую память в литературе, особенно мемуарной. Пущенные им стрелы в прошлое вызвали волну ответных воспоминаний и комментариев, «разоблачающих» рассказы графа и уличающих его если не в намерен-

---

¹ См.: Ананьич Б. В., Ганелин Р. Ш. С. Ю. Витте и его время. СПб., 1999. – *Здесь и далее, если не указано иное, примеч. составителя.*

² Ильин С. В. Витте. 2-е изд. М., 2012 (серия «Жизнь замечательных людей»).

³ Витте С. Ю. Воспоминания: Царствование Николая II. Т. 1–2. Берлин, 1922; Витте С. Ю. Воспоминания: Детство. Царствования Александра II и Александра III (1849–1894). Берлин, 1923. Эти книги были переизданы в Советской России, сначала в 1923–1924 гг., затем в 1960 г. С 1991 г. мемуары С. Ю. Витте также неоднократно переиздавались в разном составе. В 2003 г. вышло в свет первое их издание по авторской рукописи, хранящейся ныне в составе его коллекции в Колумбийском университете (Из архива С. Ю. Витте. Воспоминания. Т. 1: Рассказы в стенографической записи, кн. 1–2; т. 2: Рукописные заметки. СПб., 2003).

⁴ Витте С. Ю. Собрание сочинений и документальных материалов. Т. 1, кн. 1.; кн. 2, ч. 1–2; т. 2, кн. 1–2; т. 3, кн. 1–3; т. 4, кн. 1; т. 5. М., 2002–2007. Так и не были изданы документы, не касающиеся вопросов экономики, как, например, записка «Самодержавие и земство», внешнеполитические бумаги и т. п.

ной лжи, то, как минимум, в массе неточностей и искажений. Реакцию читателей нетрудно было предсказать: «Чем больше вчитывается вы в его воспоминания, тем сильнее растет у вас желание высказаться о произведенном ими на вас впечатлении, **и притом высказаться** не в виде дифирамба большому человеку, ушедшему с занимаемого им поста благодаря зависти той придворной камарильи, которая окружала Николая II, а в силу сердечной потребности вступить за [многих] бездоказательно униженных [благодаря присущей его натуре злобе ко всем сколько-нибудь выдающимся людям] самим автором воспоминаний»⁵. Н. С. Таганцев, автор этих строк, занимал при этом вполне умеренную позицию. Волна последовавших опровержений виттевских воспоминаний была настолько широка, что охарактеризовать ее в нескольких словах довольно трудно. В качестве примера приведем один из наиболее обстоятельных откликов – А. А. Лопухина, бывшего директора Департамента полиции, человека, весьма осведомленного по своей должности, уже поэтому его реакция представляет собой большой интерес (см. настоящее издание). Многие авторы не только вступались за обиженных, но и в ответ обличали С. Ю. Витте в различных злодеяниях (в чем читатель сборника сможет без труда убедиться). Однако большая часть подобных инвектив носит малодоказательный характер: нередко обвинения формулировались с чьих-то слов, отражали лишь слухи. Тем большую ценность представляют свидетельства, принадлежавшие современникам, вплотную работавшим с С. Ю. Витте и имевшим возможность вживую наблюдать разные стороны его личности. Их представления о нем куда более разнообразны и не столь однобоки. Именно такие воспоминания и легли в основу этой книги. Разумеется, они рисуют иного С. Ю. Витте, не такого, каким он сам пытался представить себя для потомков.

Сергей Юльевич Витте родился в 1849 году в Тифлисе. Он был сыном чиновника средней руки Юлия Федоровича Витте, служившего в управлении государственными имуществами на Кавказе, и Екатерины Андреевны Фадеевой, чьи родственные связи восходили к княжескому роду Долгоруких (С. Ю. Витте этим очень гордился, но это не ввело его в круг родовой знати). Дедом С. Ю. Витте по материнской линии был Андрей Михайлович Фадеев (1789–1867), саратовский губернатор, затем управляющий казенными имуществами на Кавказе. Свои детские годы в Тифлисе будущий сановник провел в доме А. М. Фадеева. Воспитанием внука активно занималась бабушка, Елена Павловна Фадеева, одна из самых замечательных женщин своей эпохи, интересовавшаяся естествознанием, историей, археологией, состоявшая в переписке с рядом европейских ученых того времени. Среди родственников С. Ю. Витте оказалось несколько писательниц – Е. А. Ган (1814–1842) и ее дочь, известная публицистка и основательница теософии Е. П. Блаватская (1831–1891); В. П. Желиховская (1835–1896), приходившаяся ему двоюродной сестрой, и ее дочь Н. В. Желиховская (1864–1938), супруга известного военачальника А. А. Брусилова; наконец, его родная сестра – Софья Витте (1849–1917), из-за совпадения инициалов ее сочинения иногда приписывали перу брата.

Детство будущего премьер-министра прошло на Кавказе, гимназическое образование он завершил в Кишиневе, где оказался на короткое время в 1865–1866 годах, а юношеские годы провел в основном в Одессе. Затем был Новороссийский университет (1866–1870) и работа на железной дороге (1870). В 1871 году будущий сановник поступил на государственную службу (Одесская железная дорога управлялась Русским обществом пароходства и торговли – акционерной компанией) в канцелярию новороссийского генерал-губернатора, а в 1874 году перешел в Министерство путей сообщения. В 1877 году он покинул ведомство, чтобы чуть позже возглавить службу движения в Обществе Юго-Западных железных дорог (одном из крупнейших в России), а затем стать и его управляющим (1886–1889). Этот период его жизни, до окон-

---

⁵ Таганцев Н. С. Впечатления от воспоминаний графа Витте // Интеллигенция и российское общество в начале XX века. СПб., 1994. С. 188.

чательного переезда в Петербург в 1889 году (до этого, в 1878–1879 годах, С. Ю. Витте недолго прожил в столице), т. е. свыше 20 лет, известен недостаточно хорошо. Мемуарных свидетельств тех лет осталось мало. Небольшой апологетический очерк одесского журналиста А. Е. Кауфмана, воспоминания приемной дочери Веры, отчасти написанные по рассказам отца, и не так давно впервые опубликованная большая рукопись Н. Н. Изнара, железнодорожного инженера, близко сталкивавшегося с С. Ю. Витте по службе в 1880-х годах, – вот, по сути, и все. Прочие свидетельства, которые вошли в настоящее издание, – достаточно кратки, их авторы повествуют об эпизодических контактах с будущим сановником (Н. Е. Врангель, Н. А. Байков, А. Р. Дезен). Тем не менее, не опровергая основную канву мемуаров самого С. Ю. Витте, они добавляют к ним некоторые интересные штрихи.

Прежде всего, это стремление сделать большую карьеру. Мемуаристам запомнилось, как С. Ю. Витте тогда, в 1870–1880-е годы, предпринимал энергичные усилия, чтобы двигаться «наверх». Современники отдавали должное деловым качествам будущего сановника: умение схватывать вопросы налету, вникать в самые разные дела, подыскивать нужных людей. Они также свидетельствовали о том, что С. Ю. Витте уже в Киеве овладел искусством карьерной борьбы, в основе которого лежала интрига и беспринципность – качества, сопровождавшие его всю жизнь (Н. Н. Изнар). Н. А. Вельяминов заметил: «Во всем его облике чувствовался тип американца, человека самобытного, самородка, *self-made man*, человека, выбившегося своим трудом и своими талантами»⁶. Это не совсем так. Некоторые связи и протекции у С. Ю. Витте все-таки имелись, и он ими пользовался, как мог (Р. А. Фадеев, Н. М. Чихачёв). Другое дело, что определяющей роли они в его карьере не сыграли. Однако поддержка дяди – Р. А. Фадеева, известного публициста, близкого графу И. И. Воронцову-Дашкову, министру двора в 1881–1897 годах, – способствовала кратковременному появлению С. Ю. Витте в большой петербургской политике. Об этом подробнее чуть позже, а пока – несколько слов о личности Ростислава Андреевича Фадеева (1824–1883).

Свою карьеру военного он сделал на Кавказе, где сблизился с главнокомандующим, а затем наместником князем А. И. Барятинским. Р. А. Фадеев стал офицером для особых поручений при главнокомандующем, а позже его литературным сотрудником (кем-то вроде «пресс-секретаря»). Он был единомышленником Барятинского в том, что касалось критики военных реформ, проводимых Д. А. Милютиным. В частности, они возмущались засильем штабов, требовали восстановить приниженную, как им казалось, роль командиров. Однако полемика, которую оппоненты военного министра развернули в печати, успеха не возымела⁷. С. Ю. Витте в воспоминаниях привел примечательный диалог, пересказанный ему дядей. Как-то раз Р. А. Фадеев случайно встретился в царскосельском парке с Александром II. Царь не узнал его, Р. А. Фадеев представился, в ответ он услышал: „Ну, а что ты все пишешь? Скоро ли перестанешь писать?!“ Это было сказано недовольным тоном»⁸.

Мы почти ничего не знаем о политических взглядах Витте до 1880-х годов, в бытность его провинциальным чиновником⁹. Сам С. Ю. Витте утверждал, что еще в годы студенчества он был «правым». Надо понимать, что для рубежа 1860–1870-х годов придерживаться «пра-

⁶ См. настоящее издание. С. 144.

⁷ Подробнее см.: Кузнецов О. В. Р. А. Фадеев: генерал и публицист. Волгоград, 1998.

⁸ Из архива С. Ю. Витте. Воспоминания. Т. 1: Рассказы в стенографической записи. Кн. 1. СПб., 2003. С. 43–44.

⁹ Правда, в бумагах М. М. Ковалевского, хранящихся в Колумбийском университете, сохранилась копия анонимной записки о необходимых реформах в России, переданной наследнику престола Александру Александровичу 16 ноября 1880 г. якобы через К. П. Победоносцева. Принадлежность записки С. Ю. Витте подтверждал М. М. Ковалевский, но никаких других указаний на это пока обнаружить не удалось, поэтому вопрос об авторстве текста его публикатор А. М. Семенов оставил открытым (Семенов А. К вопросу об авторстве одного документа: ранее свидетельство политической активности С. Ю. Витте? // *Ab Imperio*. 2000. № 3/4. С. 187–204). Предложения автора записки не оригинальны (необходимость бездефицитного бюджета, реформы налогов, ответственность министров перед Государственным советом и др.), но представляют интерес для изучения его взглядов.

вых» взглядов означало, прежде всего, не принимать участия в революционном и демократическом движении. Первый раз в воспоминаниях современников С. Ю. Витте появляется на политическом поприще в связи со «Святой дружиной» (в литературе ее часто ошибочно называют «Священной»). М. Э. Клейнмихель передала рассказ самого С. Ю. Витте, близкий к тому, что он поместил в мемуарах¹⁰. Инициатива создания этого негласного общества для борьбы с революционерами, которую С. Ю. Витте приписал себе, скандальная деятельность «Дружины» и ее бесславный конец были непростой темой для рассказа. Тем не менее делать из этого тайну не представлялось возможным: сведения о «Дружине» постепенно проникли в печать и стали предметом оживленной дискуссии в 1912–1914 годах. С. Ю. Витте одним из первых публично признал факт существования организации и свое членство в ней, что уже делает ему честь¹¹. К сожалению, свидетельств других мемуаристов об участии Витте в «Дружине» нет, но немногочисленные сохранившиеся документы позволяют предположить, что его роль была более значительной, чем ему хотелось бы признать¹².

1 марта 1881 года С. Ю. Витте, потрясенный убийством Александра II, написал письмо своему дяде Р. А. Фадееву, высказав идею бороться с революционерами их же оружием, то есть создать такую же, как у них, тайную организацию, которая в ответ производила бы покушения на лидеров террористов¹³. Идея была сомнительна и не профессиональна – что ее автору мог легко объяснить любой офицер полиции (невозможно искоренять антиправительственную деятельность, игнорируя законы). И все же в атмосфере испуга и растерянности, установившейся в верхах после 1 марта, за нее ухватились, как за соломинку для утопающего. Письмо С. Ю. Витте через И. И. Воронцова-Дашкова, ставшего министром двора, тут же попало в руки Александру III, и идея получила высочайшее одобрение. Однако в организации общества, получившего название «Святой дружины», С. Ю. Витте прямо не участвовал: его просто приняли в ее ряды. Реальными руководителями «Дружины» стали великий князь Владимир Александрович (чья роль скрывалась), И. И. Воронцов-Дашков (формальный глава) и Боби (П. П.) Шувалов, считавшийся душой общества¹⁴. Разбитая на пятерки, ограничивавшие знакомство каждого члена общества лишь несколькими коллегами, то есть построенная по образцам тайных обществ Европы и России начала XIX века, «Святая дружина» в итоге вовлекла в свои ряды свыше 700 человек как столичной, так и провинциальной верхушки. С. Ю. Витте получил полномочия главного в киевском районе. О своей организационной деятельности в Киеве в воспоминаниях он даже не обмолвился. Зато неоднократно излагал историю своей поездки в Париж с поручением от «Дружины» убить ее агента Полянского, если тот в свою очередь не избавится от нигилиста Л. Н. Гартмана. История эта – не более чем сюжет для второсортного детективного романа, но у читателя не может не сложиться впечатление, что С. Ю. Витте было что скрывать. Иронический тон рассказа о его участии в «Святой дружине» наверняка объяснялся соответствующей репутацией этого предприятия. Конечно, никакой тайной ни для современников, ни тем более для революционеров «Святая дружина» не была, а приемы «дружинников» – «партизан политического сыска» – вызывали лишь иронию и негодование со сто-

¹⁰ Из архива С. Ю. Витте. Воспоминания. С. 118–123. Сопоставление двух рассказов см. в: *Ананьич Б. В., Ганелин Р. Ш., Куликов С. В., Лебедев С. К., Лукоянов И. В.* С. Ю. Витте и «Святая дружина» // *Лемке М. К.* На изломе эпох: вклад С. Ю. Витте в развитие российской государственности. Т. 1: Святая дружина Александра III (Тайное общество борьбы с крамолой). 1881–1882 годы. По неизданным документам. СПб., 2012. С. 866–878.

¹¹ *Руманов А.* «Священная дружина». Мемуары графа Витте. Из встреч с гр^афом Витте // *Русское слово*. 1913. № 155 (6 июля).

¹² Они проанализированы в указанной книге Б. В. Ананьича и Р. Ш. Ганелина (С. 17–33).

¹³ Письмо С. Ю. Витте не сохранилось, его содержание сам автор пересказал в мемуарах (Из архива С. Ю. Витте. Воспоминания. Т. 1. С. 118).

¹⁴ Подробнее см.: *Лемке М. К.* Святая дружина Александра III (Тайное общество борьбы с крамолой). СПб., 2012. К сожалению, в этой обстоятельной книге, написанной почти сто лет назад, далеко не всем аспектам деятельности общества уделено достаточное внимание.

роны полиции. М. Е. Салтыков-Щедрин в «Современной идиллии» заклеил для будущего эту инициативу С. Ю. Витте как «клуб взволнованных лоботрясов».

Провинциал не удержался на скользких паркетах особняков столичной знати, да и влияние его дяди, сильное на рубеже 1870–1880-х годов, когда у власти находился М. Т. Лорис-Меликов, вскоре ослабело. С. Ю. Витте пришлось остаться в Киеве.

Несмотря на неудачу, будущий граф не опустил рук. Он искал разные пути, чтобы напоминать о себе в Петербурге, хотя и не очень успешно. Удобным поводом стала его первая книга – «Принципы железнодорожных тарифов» (1883). Автор предлагал брать деньги за транспортировку грузов исходя не только из действительных затрат, но прежде всего из востребованности железных дорог. Манипулируя тарифами, можно было искусственно поднимать и занижать доходность отдельных магистралей. Идея не являлась оригинальной, это давно поняли в Европе, но для России такой подход был нове. Молва упорно утверждала, что действительным автором сочинения являлся Б. Малешевский, сотрудник С. Ю. Витте. Доказательств этому не обнаружено до сих пор, но в пользу С. Ю. Витте можно указать на то, что и сам он был неплохим математиком, чье выпускное сочинение, посвященное бесконечно малым величинам, позднее было даже издано во Франции.

Наверное, не следует преувеличивать значение катастрофы царского поезда для дальнейшей карьеры С. Ю. Витте. 17 октября 1888 года недалеко от станции Борки, под Харьковом, состав, перевозивший царскую семью по пути из Крыма в Петербург, потерпел крушение. Скорость тяжелого состава была недопустимо высокой для тех технических условий – порядка 70 верст в час, и пути не выдержали. Было разрушено 10 вагонов, в том числе и царский. К счастью, из августейшего семейства никто серьезно не пострадал, среди жертв (21 погибший) оказалась лишь прислуга, ехавшая отдельно. В поисках ответственных за трагедию все причастные к ней, как это бывает, стремились обелить себя. Так, С. Ю. Витте утверждал, что трагедия случилась не из-за состояния трассы, а из-за неправильной сцепки вагонов царского поезда и превышения допустимой скорости. Другие (в том числе и прокурор уголовного кассационного департамента Сената А. Ф. Кони, которому было поручено расследование) искали причину также в состоянии железнодорожных путей, в частности – в гнилых шпалах. Основная вина, таким образом, падала на строителей магистрали. А. Ф. Кони стал свидетелем того, как С. Ю. Витте терзался сомнениями: он думал не о своей роли оракула, предупреждавшего царя о возможном происшествии, а о том, чтобы на него не пал гнев начальства (министра путей сообщения) за его показания на следствии. Он был бы рад вообще не иметь отношения к этой трагедии, не говоря уж о том, чтобы воспользоваться ей в своих интересах. К счастью для С. Ю. Витте, следствие не смогло прямо указать на виновных, Александр III же предпочел тихо закрыть дело. Имела ли эта история отношение к переезду С. Ю. Витте в Петербург? Сам С. Ю. Витте утверждал, что да¹⁵. Но, похоже, не она определила карьеру будущего министра.

После неудачи с «Дружиной» С. Ю. Витте в первой половине 1880-х попытался завязать контакты с видными представителями правой печати. И если в случае с И. С. Аксаковым это не получило продолжения (они ограничились вопросом о высшем образовании в России), то с М. Н. Катковым все оказалось по-иному. С. Ю. Витте вступил с ним в переписку, стал постоянным корреспондентом «Московских ведомостей». М. Н. Катков был далек от идей Р. А. Фадеева, но Витте без труда нашел с ним общий язык на почве национализма. Будущий министр писал ему о засилье поляков и евреев на Юго-Западных железных дорогах, предлагая сменить управляющий персонал на русский. Идея должна была прийтись по сердцу журналисту, так много писавшему по польской проблеме и боровшемуся за «русское дело» в Польше¹⁶. Вероятно, также важную роль сыграл И. А. Вышнеградский – тогда вице-председатель правления

---

¹⁵ Из архива С. Ю. Витте. Воспоминания. Т. 1. С. 170.

¹⁶ С. Ю. Витте – М. Н. Каткову. 16 октября 1883 г. (копия) // ОР РГБ. Ф. 120. К. 23 (Кн. 5). Л. 150–151.

Общества Юго-Западных железных дорог. Вряд ли было простым совпадением то, что в 1886 году С. Ю. Витте стал управляющим обществом. После того как сам И. А. Вышнеградский в 1887 году возглавил Министерство финансов, С. Ю. Витте активно поддерживал его в печати. Не удивительно, что 10 марта 1889 года он возглавил созданный по его плану для контроля за тарифами Департамент железнодорожных дел в составе Министерства финансов. Так начался петербургский период карьеры будущего графа.

В столице появился провинциал. Высокого роста, грузный, неуклюжий, с сипловатым голосом, лишенный светского лоска, не стеснявший себя манерами, грубоватый и резкий в обращении, но умный, практичный, с сильной деловой хваткой. Так или почти так рисует большинство мемуаристов С. Ю. Витте в его начальные петербургские годы. Вероятно, это был довольно типичный портрет честолюбивого чиновника из глубинки, не отягощенного влиятельной поддержкой или блестящим образованием (С. Ю. Витте окончил Новороссийский университет, только что перед этим открытый в 1865 году и не имевший еще полного штата преподавателей). Он оказался слишком яркой личностью, столица разделилась на поклонников и противников С. Ю. Витте, причем вторых было значительно больше. Наиболее проницательные понимали, что звезда С. Ю. Витте на петербургском политическом небосклоне взошла не на краткий миг. Знавший его ранее Б. М. Юзефович писал из Киева: «Если он долго продержится во власти, то России придется пережить не одно потрясение. Честолюбие Витте в полном смысле слова необъятно; в этом отношении он может быть причислен к типу людей, подобных Годунову и Наполеону Бонапарте. ...как верноподданный, я могу только желать, чтобы, по крайней мере, он был ограничиваем во влиянии своим предметами непосредственного своего ведения, но вспомните мои слова, что он не удовольствуется этим, ибо никакие рамки не будут для него достаточно широки»¹⁷.

Так и случилось. К тому времени – августу 1892 года – С. Ю. Витте стремительно преодолел дистанцию от директора Департамента железнодорожных дел, специально для него созданного, до руководителя одного из важнейших ведомств – Министерства финансов, на полгода задержавшись в кресле министра путей сообщения. О его пребывании во главе путейского ведомства очень выразительно написали И. И. Колышко и С. М. Проппер. Что показательно: первые действия начинающего министра напоминали «утро стрелецкой казни», так как вся верхушка министерства была вынуждена оставить свои посты. Подобная решительность редко сопровождала дебют начинающего сановника.

Карьере С. Ю. Витте не помешала даже женитьба на разведенной еврейке Матильде Лисаневич (урожденной Нурок). Первая жена Витте – Надежда Спиридонова (в девичестве Иваненко), дочь черниговского губернского предводителя дворянства, – умерла осенью 1890 года. За разрешением на второй брак С. Ю. Витте (накануне назначения его министром финансов) через И. Н. Дурново обратился к самодержцу. Противники Витте позднее распространили легенду, что Александр III разрешил своему любимцу жениться «хотя бы на козе»¹⁸, в действительности же царь ответил: «Мне он нужен как сведущий и способный человек, а что мне за дело до его жены»¹⁹. Тем не менее М. И. Витте долгое время (до осени 1905 года) не была принята при дворе, что постоянно уязвляло самолюбие обоих супругов.

---

¹⁷ Дневник Е. М. Феоктистова, запись 8 августа 1892 г. // ОР ИРЛИ. 9122. ЛПб. 14. Л. 51.

¹⁸ *Вонлярлярский В. М.* Мои воспоминания. 1852–1939 гг. Берлин, [1939]. С. 173.

¹⁹ Начальник Главного управления по делам печати МВД по горячим следам записал рассказ министра в свой дневник (Дневник Е. М. Феоктистова // ОР ИРЛИ. 9122. ЛПб. 14. Л. 51 об.). Несколько другую версию излагал сам С. Ю. Витте. В его пересказе, когда И. Н. Дурново представил Александру III справку о Матильде Лисаневич, царь ответил ему, «что я (Витте) исполняю долг честного человека (sic) и что он разрешает мне женитьбу. При этом никаких условий мне представлено не было» (*Половцов А. А.* Дневник 1893–1909. СПб., 2014. С. 317).

Большую роль в начале петербургской карьеры С. Ю. Витте сыграл князь В. П. Мещерский, немало потрудившийся для примирения нового министра с верхами столичной бюрократии, презрительно смотревшей на него как на выскочку. Важно было и то, что С. Ю. Витте смог быстро завоевать расположение К. П. Победоносцева, обер-прокурора Синода, всесильного «серого кардинала» во время царствования Александра III, несколько утратившего свое влияние при Николае II. В атмосфере интриг С. Ю. Витте сразу зарекомендовал себя умным и беспощадным противником, крайним прагматиком в поступках, готовым использовать для достижения своей цели любые средства. Интересы карьеры для него целиком подчиняли себе политические взгляды, это граничило с полной беспринципностью.

Парадокс: едва ли не самый успешный министр финансов императорской России при вступлении в должность совершенно не обладал необходимыми знаниями. Он слабо ориентировался в финансовой сфере, не понимал природу денег, склонялся к сторонникам серебряного рубля и эмиссионных решений в кредитной политике. Так, он выступал за проведение ускоренного железнодорожного строительства путем эмиссии специальных бумажных «сибирских рублей», за значительное расширение кредитных операций Государственного банка. Лишь энергичные протесты Н. Х. Бунге и других сановников, опасавшихся падения курса российской валюты за границей, заставили министра призадуматься. В итоге от своих намерений он отказался.

Должность министра финансов С. Ю. Витте занимал 11 лет, с августа 1892 до августа 1903 года. На этот пост он вступил, будучи сторонником капиталистического развития России, ее ускоренного промышленного развития. Как никто из его предшественников, будущий граф опирался при этом на силу государственной власти в экономике, а не на частную инициативу. При С. Ю. Витте Министерство финансов значительно расширило свое влияние, став центром всего государственного управления в России.

Большинство российских министров финансов, исполняя эту должность в течение сколько-нибудь продолжительного срока, предлагали программу благоустройства российских финансов, находившихся, как правило, в плачевном состоянии. С. Ю. Витте в этом отношении не являлся исключением. Заняв пост, он постепенно сформулировал свое, отличное от предшественников, видение российской экономики и роли государственных структур в ее развитии, названной еще при жизни автора «системой Витте». Система эта исключительно важна для понимания роли С. Ю. Витте в истории России.

В основе «системы Витте» находились противоречивые представления о незыблемости самодержавной власти в России и неизбежности экономического развития по европейскому, капиталистическому типу. При этом С. Ю. Витте постулировал необходимость ускоренного развития отечественной индустрии, опираясь как на внутренние ресурсы (акцизы и косвенные налоги, перераспределяемые через бюджет в пользу развития промышленности), так и внешние – в виде масштабных государственных займов и политики таможенного протекционизма.

«Система Витте» требовала больших денег, а с ними в России, как всегда, было трудно. Условия, в которых С. Ю. Витте принял Министерство финансов, нельзя назвать слишком благополучными. Да, ординарный бюджет стал уже устойчиво профицитным, но был еще экстраординарный, куда включалась, к примеру, часть весьма немалых военных расходов. И. А. Вышнеградский оставил преемнику общий бюджетный дефицит в 74,3 миллиона рублей.

Для его ликвидации С. Ю. Витте пошел по традиционному пути значительного увеличения косвенных налогов, в результате их размер с 1892 по 1901 год вырос на 50 %. Одной из важнейших мер стало восстановление с 1895 года казенной монополии на продажу спиртных напитков, отмененной в 1827 году Е. Ф. Канкриным. К 1901 году эта статья давала уже более $\frac{1}{5}$ всех поступлений государственного бюджета. Разумеется, в ответ оппоненты заявили о спаивании России, а в начале XX века, уже после С. Ю. Витте, даже в Государственной думе бюджет Российской империи открыто называли «пьяным». Но в хоре критиков винной монополии

звучало не так много действительно справедливых упреков. Высокая цена на водку не содействовала пьянству, для его ограничения был предпринят ряд мер (ограниченное время работы казенных лавок, установлен предельно малый размер продаваемой посуды с водкой, активно велась антиалкогольная пропаганда и др.). Показательны рассуждения С. Ю. Витте, которые привел Н. А. Вельяминов: министр финансов понимал всю сложность проблемы, но не знал иного столь же важного источника для пополнения казны. «С<ергей> Ю<льевич> был прав, когда говорил, что монополия была менее безнравственным приемом, чем система акциза и откупа с их развращающими народ кабаками, ведь бесспорно, что С<ергею> Ю<льевичу> мы были обязаны уничтожением кабака и введением винных лавок, в которых не давали водки под залог вещей и нельзя было найти притона всем порокам, как это бывало в кабаках. По праздникам водка не продавалась, и, наконец, народу давали по крайней мере чистый спирт вместо той отравы, которой торговали кабаки»²⁰. Вообще, С. Ю. Витте неправомерно обвинять в спаивании России – причины пьянства находились в другой плоскости (социальные проблемы в городе и деревне).

Усиление косвенного обложения увеличило поступления в казну к концу 1890-х годов почти в 1,6 раза. Быстро росла и доходная часть бюджета в целом. В 1902 году она уже перевалила за 2 млрд руб. (2107,5 млн руб. против 1047,4 млн руб. в 1890 году). Средние темпы прироста в год составили 10,5 %, что было рекордом для России. Особенностью российского бюджета также являлось то, что он охватывал большую, чем в других странах, долю валового внутреннего продукта. Это означало усиление роли государства в экономике и большое напряжение платежеспособных сил населения. С. Ю. Витте хорошо понимал проблему и поэтому с начала XX века заявлял о невозможности наращивать расходы бюджета.

Аккумулированные таким образом средства министр финансов бросал на железнодорожное строительство (прежде всего, на Сибирскую железную дорогу от Петербурга до Владивостока, строго следуя завету Александра III – строить из русских материалов, руками российских рабочих, оснащать российским оборудованием), которое являлось локомотивом для развития тяжелой промышленности в империи, и казенную промышленность, в значительной степени трудившуюся на нужды вооруженных сил. В его представлении железные дороги должны были стать транспортными артериями, по которым продукция, произведенная на российских фабриках, потечет на внешние, преимущественно восточные рынки. Отсюда его стремление завоевать эти рынки для России. Ставка на внешнего потребителя отражала понимание того, что внутренний российский рынок слаб и не в состоянии обеспечить бурный рост фабрично-заводской промышленности. Характерна также взаимосвязь экономического курса с внешней политикой – до этого в России подобный подход не практиковался. С. Ю. Витте делал ставку на союз с Францией, обеспечивающий доступ на парижский фондовый рынок, на благоприятные отношения с Германией – основной покупательницей российского хлеба, а также на активную политику на Дальнем Востоке, выражавшуюся в стремлении экономически доминировать на значительной, если не большей, части Китая. Базовыми условиями для этой политики стали бездефицитный государственный бюджет и сильный, свободный от колебаний курса рубль, почему С. Ю. Витте и настоял на введении золотого стандарта, успешно осуществленном в 1897 году. Рубль был девальвирован на $\frac{1}{3}$, установлен свободный размен кредитных билетов на золото, при этом право эмиссии Государственного банка было ограничено суммой в 300 млн руб. сверх обеспеченных золотым запасом. Реформа придала рублю невиданную устойчивость. Свободный размен на золото не прекращался даже в ходе революции 1905 года, конец ему положила только Первая мировая война.

Конечно, у «системы Витте» было немало критиков, однако большинство их не могли убедительно обосновать свои нападки. Тем интереснее сегодня читать мнения компетентных

---

²⁰ См. настоящее издание. С. 160.

авторов, например К. Ф. Головина, хозяина небольшого политического салона, известного публициста, который отличался редкой политической прозорливостью. Выдержки из его мемуаров представлены в настоящем издании. К. Ф. Головин подметил спорность ряда решений С. Ю. Витте и показал основания, по которым министра критиковали справа. Так, многие авторы писали о серьезной опасности оттока золота из России в случае перевода рубля на золотой стандарт. В том, что такая опасность существовала на бумаге, они были правы. Более тонкие знатоки финансов, и среди них К. Ф. Головин, говорили о дефиците платежного баланса империи²¹. Он и его единомышленники придерживались мнения, что баланс складывался не в пользу России, на чем во многом строилась уверенность правых в скором экономическом крахе политики С. Ю. Витте. Однако современные исследования, прежде всего П. Грегори, показали правоту С. Ю. Витте: при нем и далее в начале XX века платежный баланс благодаря значительному положительному сальдо во внешней торговле, профициту бюджета и внешним займам являлся устойчиво положительным, несмотря на существенный отток золота за границу в основном через кошельки русских путешественников²².

Из «системы Витте», как подметили еще современники, практически выпадало сельское хозяйство. Действительно, министр финансов рассматривал аграрный сектор исключительно как источник средств, не заботился о его развитии. Свою позицию он оправдывал кризисом помещичьего землевладения и многочисленными препонами для развития крестьянского хозяйства, прежде всего в виде сельской передельной общины. Такой взгляд был большим заблуждением крупного политика. Хотя в начале XX века С. Ю. Витте попытался несколько изменить прежние подходы и оценки, инициировав и возглавив Особое совещание по нуждам сельскохозяйственной промышленности (1902 год), но это произошло уже на излете его карьеры как главы финансового ведомства.

Неприятным сюрпризом для министра финансов и его курса стал мировой экономический кризис, разгоревшийся в 1899 году, и последовавший за ним экономический спад, который Россия пережила чуть позже и тяжелее, чем другие страны (он оказался осложнен Русско-японской войной 1904–1905 годов и революцией 1905 года). Прежние масштабные заимствования за границей исключались. Внутренних источников не хватало, С. Ю. Витте пришлось признать чрезвычайное напряжение платежеспособных сил населения, преимущественно крестьянства.

«Система Витте», заключавшаяся в идее не просто воздействия, а фактически управления экономикой с помощью формирования мощного государственного хозяйства, оказалась обоюдоострым оружием. Наряду с впечатляющими успехами она деформировала процесс естественного роста и развития частной инициативы. «Естественное» развитие капитализма в России упиралось прежде всего в необходимость политических перемен. Попытка С. Ю. Витте модернизировать страну при сохранении в неизменности самодержавного режима принесла успех только на короткое время, затем нерешенные проблемы лишь обострились.

С. Ю. Витте всегда стремился играть роль первого министра. Добиться такого положения ему удалось только к концу 1890-х годов, особенно после дискуссии с министром внутренних дел И. Л. Горемыкиным о земстве. Полемика, начавшаяся с вопроса о целесообразности введения земских учреждений в западных губерниях, была искусно повернута С. Ю. Витте к обсуждению совместимости самодержавия и самоуправления. Он отлично понимал, что в тогдашней атмосфере победу в подобном споре обеспечивает приверженность более правым взглядам, чем позиция его оппонента, и в обмене записками (по две с каждой стороны) министр финан-

---

²¹ Расчетный баланс в те годы состоял в учете того, сколько золота утекало и притекало в страну, неважно из каких источников и какими путями.

²² Грегори П. Экономический рост Российской империи (конец XIX – начало XX в.): новые подсчеты и оценки. М., 2003.

сов постарался выставить И. Л. Горемыкина сторонником земства и, следовательно, по логике С. Ю. Витте, врагом самодержавия. Это во многом способствовало тому, что министром внутренних дел стал Д. С. Сипягин – друг С. Ю. Витте. Через некоторое время министр финансов, как ни в чем не бывало, заявлял, что никогда не был противником земства²³. Аналогичных примеров из его биографии можно привести немало, но действия такого рода хотя и приносили временный успех, но никогда не делали положение С. Ю. Витте прочным.

Он также вмешивался в любые вопросы: например, в еврейский²⁴. Вел сановник себя самоуверенно, собеседникам даже казалось, что нагло или цинично. Он не стеснялся давать безапелляционные оценки, жестко настаивал на своих взглядах. Однако все это С. Ю. Витте позволял себе делать только за пределами царского кабинета. С Николаем II, несмотря на уничижительную характеристику его в мемуарах, он вел себя иначе, настолько, что это удивляло даже много повидавших придворных. «Всех нас поразила тогда манера С. Ю. Витте держаться при его величестве. В ней было слишком много подобострастного и ненужного. Странно было видеть статс-секретаря, бывшего председателя Совета министров, бывшего министра путей сообщения и финансов, члена Государственного совета, который держал руки по швам, все время низко кланялся, отвечал „так точно“ и „никак нет“, титуловал его величество всегда его полным титулом и т. п., что обыкновенно делали только новички при дворе, а никак не люди с таким положением»²⁵. Впрочем, напрасно: по свидетельству С. Е. Крыжановского, царь понимал неискренность поведения своего министра²⁶.

С. Ю. Витте проявил себя и как стратег во внешней политике России. Для воплощения в жизнь своих планов завоевания восточных рынков для быстро растущей русской промышленности министр финансов создал в конце 1895 года Русско-Китайский банк при активном участии французского капитала, а в 1896 году настоял на заключении с Китаем тайного союзного соглашения, которое позволило осуществить строительство части Сибирской железной дороги (из Забайкалья до Владивостока) по территории Маньчжурии – КВЖД. Дорога и банк, формально являясь акционерными обществами, на самом деле находились под полным контролем Министерства финансов. Однако экономической мощи России явно не доставало для претворения в жизнь столь грандиозного проекта. С. Ю. Витте также недостаточно хорошо был знаком с дальневосточными реалиями. Он был абсолютно убежден, что «при проведении железной дороги через Монголию и Маньчжурию нельзя ожидать никаких опасностей, ни противодействия со стороны местного населения. Население это, находящееся, бесспорно, на низшей ступени культурного развития, тем именно и отличается, что ему совершенно чужды какие бы то ни было политические, национальные или даже религиозные идеалы и что оно заботится исключительно о своем прокормлении и преклоняется перед силою денег»²⁷. Эти утверждения, сделанные министром финансов на одном из особых совещаний в апреле 1898 года, были полностью опровергнуты спустя два года вспыхнувшим боксерским восстанием, в ходе которого КВЖД, и особенно строящаяся ЮМЖД до Порт-Артура, понесли колоссальный ущерб, исчислявшийся в десятки миллионов рублей. Упорство С. Ю. Витте, его нежелание признавать очевидное и настойчивость в проведении своей программы создали благоприятную почву для оппонирования такой политике (министр иностранных дел М. Н. Муравьев (1895–1900), военный министр А. Н. Куропаткин (1898–1904), наконец, безобразовцы).

Безобразовцами принято называть неофициальную группу лиц, выступивших в начале 1898 года против сворачивания активной русской политики в Корее, за что ратовал С. Ю. Витте

---

²³ См. фрагменты из воспоминаний Д. Н. Шипова в настоящем издании. С. 270–279.

²⁴ См. воспоминания А. Бёря в настоящем издании. С. 280–284.

²⁵ *Фабрицкий С. С.* Из прошлого. Воспоминания флигель-адъютанта государя императора Николая II. Берлин, 1926. С. 66–67.

²⁶ См. настоящее издание. С. 461–462.

²⁷ РГИА. Ф. 1328. Оп. 3. Д. 505. Л. 124.

после заключения договора об аренде Ляодунского полуострова (март 1898 года). Отставной гвардейский полковник А. М. Безобразов, его коллега В. М. Вонлярьянский, пограничный комиссар на Дальнем Востоке Н. Г. Матюнин, контр-адмирал А. М. Абаза и некоторые другие их сторонники предложили не только не уходить из Кореи, а резко усилить там русское присутствие, используя концессии. В частности, особую ставку они делали на право заготовки леса на корейском берегу пограничной реки Ялу, полученное владивостокским купцом Ю. И. Бринером. Благодаря близкому знакомству А. М. Безобразова с бывшим министром двора графом И. И. Воронцовым-Дашковым, новоявленные «концессионеры» сумели получить доступ к Николаю II, который дал ход частной инициативе. И все бы ничего, если бы дело ограничилось концессиями. Безобразовцы очень быстро поставили вопрос о смене всей дальневосточной политики России, с этого момента началась их борьба с С. Ю. Витте как главным ее приверженцем, за влияние. Царь, поддерживавший безобразовцев, долгое время не принимал окончательного решения. Первое время казалось, что С. Ю. Витте сможет без труда справиться со своими оппонентами. Однако после восстания боксеров и ввода русских войск в Маньчжурию (1900 год) позиции России в регионе становились все более неоднозначными. Против Петербурга выступили Англия, САСШ, Япония при молчаливом одобрении Германии и осторожном поведении Франции. Осенью 1902 года, в условиях назревающего конфликта, С. Ю. Витте совершил поездку на Дальний Восток²⁸. По ее результатам он признал, что достижение первоначальных целей – господство на рынках Китая – на тот момент являлось невозможным, поэтому министр финансов рекомендовал царю свернуть русскую активность в регионе и довольствоваться защитой завоеванных позиций. Это предложение оказалось роковым для карьеры С. Ю. Витте: да, он был совершенно прав в своих рекомендациях, но разочарование Николая II оказалось настолько велико, что он принял сторону безобразовцев, советовавших не только не останавливаться на достигнутом, но и, наоборот, наращивать активность, сделав ставку на псевдочастные предприятия и вооруженную силу.

Отставка С. Ю. Витте 17 августа 1903 года была во многом результатом его неудачной стратегии на Дальнем Востоке. Затем последовала Русско-японская война 1904–1905 годов, которая подвела черту под всей политикой России в регионе за предшествовавшие ей 10 лет. Конечно, С. Ю. Витте всегда отрицал, что он виноват в вооруженном конфликте. Да, он был прав, когда образно обрисовал кризис дальневосточной политики еще до начала войны А. Н. Куропаткину: «Представьте себе, что я повел своих гостей в „Аквариум“, а они, напившись пьяны, попали в публичный дом и наделали там скандалы. Неужели я виноват в этом? Я хотел ограничиться „Аквариумом“. Далее тянули другие»²⁹. Это стало предметом ожесточенной полемики, выразившейся в большом количестве газетных и журнальных статей и брошюр еще при жизни С. Ю. Витте. В этой полемике ему удалось одержать победу, но он так и не смог ответить на вопрос: направляясь в «Аквариум», неужели он не подозревал, что его гости затем пойдут дальше? Тогда зачем он повел их туда? Нельзя не признать, что своими плохо рассчитанными действиями С. Ю. Витте проложил дорогу безответственным решениям безобразовцев, следствием чего стала Русско-японская война. Это весьма убедительно показал в своих работах известный историк Б. А. Романов уже в советское время³⁰.

Назначение председателем Комитета министров С. Ю. Витте справедливо воспринял как опалу: формально высший административный пост в империи означал, однако, отсутствие соответствующих полномочий и ограничивал участие в политике. Разумеется, С. Ю. Витте не сдался, он попытался придать этому учреждению больший вес. Его активность нашла выраже-

---

²⁸ См. воспоминания Н. А. Байкова в настоящем издании. С. 285–289.

²⁹ Дневник А. Н. Куропаткина. Запись 3 декабря 1903 г. // Красный архив. 1922. № 2. С. 91.

³⁰ Романов Б. А. Россия в Маньчжурии (1892–1906). Очерки по истории внешней политики самодержавия в эпоху империализма. Л., 1928; Романов Б. А. Очерки дипломатической истории Русско-японской войны 1895–1907. Изд 2-е, испр. и доп. М.; Л., 1955.

ние в царском указе 12 декабря 1904 года, адресованном Комитету министров, о подготовке и приведении ряда реформ. Правда, среди них не оказалось обещания ввести законосовещательное представительство из депутатов, чего так хотело общество. Пункт, предусматривавший призыв выборных в состав Государственного совета, был вычеркнут в последний момент по настоянию великого князя Сергея Александровича и С. Ю. Витте, продолжавшего создавать иллюзию защиты прерогатив Николая II и выхватившего благодаря этому инициативу проведения реформ из рук министра внутренних дел П. Д. Святополк-Мирского. Тем не менее это было совсем не то, к чему С. Ю. Витте стремился. По-настоящему он оживился с началом Первой русской революции.

После событий 9 января 1905 года, на фоне растерянности властей, председатель Комитета министров действовал особенно энергично, он часто и активно выступал на различных совещаниях с предложениями реформ – осторожных по содержанию, но предполагающих в будущем важные перемены. С. Ю. Витте никогда не был либералом, поэтому его интерес к учреждению народного представительства выглядит несколько неожиданным. Почему же все-таки он оказался в 1905 году не на стороне защитников неограниченного самодержавия? Ответ, по всей вероятности, прост: сановник связывал интересы своей будущей карьеры не с защитой «устоев», а с изменением политического строя. Революционное движение и тем более призыв выборных от народа, по его расчету, требовали от правительства невиданного единства перед лицом общества, то есть выстраивания единой и сильной линии из всех министров в противостоянии оппозиции, чего должен был добиваться настоящий полновластный глава кабинета, а не церемониальный председатель аморфного Комитета министров. Разумеется, в кресле лидера такого правительства С. Ю. Витте видел себя.

Эти представления оформились у него в первой половине 1905 года, когда власть нащупывала контуры необходимой политической реформы, решала вопрос о возможных вариантах призыва выборных от населения и одновременно вела дискуссию о формах правительственного объединения. С. Ю. Витте уловил тогда основную тенденцию: чем сильнее революционное движение и его давление на власть, тем растеряннее она выглядит и тем больше аргументов появляется у него лично, чтобы выступить за создание нового, по типу парламентского кабинета, правительства с собой во главе и тем спасти положение. Но реализация замысла прервалась на лето 1905 года, когда велись переговоры с Японией. Это объясняет, почему успех в Портсмуте был особенно важен для С. Ю. Витте: только успех на дипломатическом поприще открывал для него путь политического продвижения вверх.

С. Ю. Витте, в отличие от других сановников, с 1904 года выступил за немедленное прекращение Русско-японской войны. Однако и после падения Порт-Артура и после сражения при Мукдене в феврале 1905 года (когда он написал эмоциональное письмо Николаю II)³¹ император оставался неумолим, продолжая надеяться на военный успех. Перелом в его позиции наступил лишь после гибели русского флота при Цусиме 14–15 мая 1905 года, когда стало ясно, что мирные переговоры неизбежны. С. Ю. Витте предпринимал отчаянные шаги, чтобы возглавить их, но первые приглашения были сделаны послам России в Париже А. И. Нелидову и в Риме Н. В. Муравьеву. С. Ю. Витте повезло: если бы они не отказались от предложенной им роли, С. Ю. Витте не бывать триумфатором Портсмута.

Разумеется, отказались первоначальные претенденты не случайно. Задача, стоявшая перед российской делегацией, выглядела колоссально трудной: заключить почетный мир по результатам, по сути, проигранной войны. С. Ю. Витте получил подробную инструкцию, подготовленную МИД, каждый пункт которой утверждал лично Николай II и где была дана весьма реалистичная оценка ситуации вместе с адекватными рекомендациями для ведения перегово-

---

³¹ Всеподданнейшее письмо статс-секретаря Витте от 28 февраля 1905 г. // Витте С. Ю. Воспоминания. Т. 2. Приложения. М., 1960. С. 573–574.

ров. К счастью для будущего графа, здравый смысл как в Петербурге, так и в Токио возобладал, и минимум требований японской стороны не перекрывал максимума уступок, на которые была готова идти Россия. Разумеется, заранее С. Ю. Витте об этом не знал.

Ситуация выглядела весьма напряженной. В европейских столицах многие полагали, что России придется обязательно заплатить контрибуцию, а это условие Николай II категорически отвергал. Многочисленные встречи главы российской делегации в Петербурге, а затем в Германии и Франции на пути в Портсмут были посвящены не только выяснению позиций европейских держав, но и поиску рычагов давления на царя через Берлин или Париж. Бесплезно: император остался непоколебим, но об этом С. Ю. Витте узнал лишь, когда ступил на американскую землю. Не обрадовал его и американский президент Т. Рузвельт, выступивший посредником: он тоже считал, что России придется платить. С. Ю. Витте был близок к отчаянию, он обдумывал, каким образом с выгодой для России прервать безнадежные переговоры. Правда, посол САСШ в Париже Р. Мак-Кормик подсказал российскому представителю действенное средство для давления на японцев – борьбу за американское общественное мнение, чтобы переломить его настроение в свою пользу³². С. Ю. Витте постарался воспользоваться этой идеей в полной мере, и, как мы можем судить по воспоминаниям (Б. А. Суворин, К. Д. Набоков), вполне преуспел. Мемуаристы рисуют поведение С. Ю. Витте и по дороге на американский континент, и в Портсмуте как подчеркнутое спокойствие, едва ли не беззаботность. Это была лишь видимость. Те, кто находился с ним рядом, ощущали колоссальное напряжение, неуверенность и стремление сделать все для успеха миссии. Надо отдать ему должное, С. Ю. Витте лучше, чем кто-либо в России, представлял сложность стоящей перед ним задачи, хорошо продумал свои действия и возможные пути к достижению успеха.

Переговоры в Портсмуте, как и ожидалось, оказались тяжелыми. От России потребовали не только отказа от Кореи, ухода с Ляодуна и вывода войск из Маньчжурии, но и контрибуции, передачи Японии Сахалина, унижительных обязательств по ограничению сил на Тихом океане и др. Получив японские условия 28 июля (10 августа) 1905 года, С. Ю. Витте тут же сформулировал принципиальный подход к заключению мира. Он исходил из того, что желание японской стороны максимально обессилить Россию на Дальнем Востоке для собственной безопасности ошибочно. Чем больше требовал Токио, тем больше в Петербурге росло стремление к реваншу. С. Ю. Витте сделал ставку на достижение прочного мира, чуть ли не союзнических отношений двух империй. И его позиция была принята японцами, хотя, конечно, идея сближения ими всерьез не рассматривалась.

В трудном торге С. Ю. Витте опасался не столько неуступчивости партнеров по переговорам, сколько позиции Петербурга, где могла возобладать «военная партия». Он хотел бы уступить японцам по многим спорным вопросам, неразрешимыми выглядели лишь судьба Сахалина и контрибуция. Здесь Токио пошел на уступки: японская сторона предложила вернуть северную часть Сахалина (до 50 параллели) России за 1,2 млрд иен (около 1,2 млрд руб.). Российский уполномоченный немедленно ухватился за это предложение и поспешил заручиться поддержкой в Петербурге. Однако царь занял твердую позицию, наложив в ответ на телеграмму российского уполномоченного 4 (17) августа по поводу Сахалина резолюцию: «Ни пяди земли, ни рубля уплаты военных издержек»³³.

Опять отчаяние, демонстративные приготовления к отъезду. Делегации в случае неудачи было предписано прервать переговоры на вопросе о контрибуции, а не о Сахалине, так как Т. Рузвельт и «общественное мнение», по представлению Петербурга, поддержали бы Россию в

³² С. Ю. Витте – В. Н. Ламздорфу 12 июля 1905 г. // ГАРФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 381. Л. 372–374.

³³ Резолюция Николая II на телеграмме С. Ю. Витте В. Н. Ламздорфу 4 (17) августа 1905 г. // Сборник дипломатических документов, касающихся переговоров между Россией и Японией о заключении мирного договора. 24 мая – 3 октября 1905 года. СПб., 1906. С. 137.

этом вопросе³⁴. Правда, одну уступку Николай II все-таки сделал: он согласился отдать Японии южную часть Сахалина «на том основании, что она принадлежит России только 30 лет, а потому на нее можно смотреть как на Порт-Артур, а не как на исконную русскую территорию»³⁵. В остальном царь считал, что он прав и народ поддерживает его.

Российская делегация в Портсмуте ожидала разрыва переговоров. Поэтому, когда на заседании 16 (29) августа было получено «полное согласие японцев», оказалось, что это «для всех здесь совершенная неожиданность, все было готово к отъезду». «Часов в одиннадцать Витте вышел из зала совещания, он был красен и улыбался. Остановившись среди комнаты, он взволнованным голосом сказал: „Ну, господа, мир, поздравляю, японцы уступили во всем“»³⁶. Это был час триумфа С. Ю. Витте. Своим успехом он воспользовался и в Америке, и на обратном пути в Россию. Сановник достиг важной договоренности, согласно которой банкирский дом Морганов поспособствует размещению русских ценных бумаг в САСШ, а в Париже подготовил заключение Россией большого займа. Удача в Портсмуте стала трамплином для дальнейшей политической карьеры С. Ю. Витте. После заключения мира ему был пожалован титул графа (правда, злые языки прибавили к нему язвительное прозвище – «граф Полусахалинский»).

Вернувшись в Петербург, С. Ю. Витте сразу окунулся в сложную политическую борьбу. Во время его отсутствия была проведена важная политическая реформа: 6 августа 1905 года вышел царский манифест об учреждении Государственной думы и объявлен закон о выборах. Несмотря на то, что народное представительство получало совещательный статус, это была важная политическая уступка обществу и новая реальность, к которой следовало готовиться. А как же объединение правительства? Этот вопрос как раз обсуждался в правящих сферах.

Началось все с анонимной (по-видимому, А. В. Кривошеина) записки 6 августа 1905 года о категорической необходимости образования единого правительства перед лицом будущей Думы. Оно виделось как кабинет с единой программой без отдельных всеподданнейших докладов министров (за исключением военного, морского, иностранных дел и двора)³⁷. С. Ю. Витте хотел создать и возглавить такой кабинет еще с конца 1903 года. Царь долго не решался дать записке ход, лишь три недели спустя он передал текст в совещание под председательством многоопытного экс-председателя Государственного совета Д. М. Сольского. Ход дискуссий зафиксировал в дневнике А. А. Половцов, чьи записки приводятся в настоящем издании. С. Ю. Витте, по его свидетельству, всячески добивался увеличения полномочий исполнительной власти, пугая самодержца революционным движением. Царю предоставлялся выбор: либо учреждение кабинета вместе с уступками обществу (гражданские свободы), либо диктатура. Замысел графа изложил его литературный секретарь И. И. Колышко: необходимо побороть страх Николая II перед словом «конституция», которая, на самом деле, «глубочайший, не только государственный, но и всенародный переворот, с которого и государственная, и народная жизнь начинаются заново». На эту тему С. Ю. Витте и заказал И. И. Колышко записку, которую, по словам графа, следовало опубликовать «вместе с указом об учреждении Совета министров и должности его председателя, то есть премьера. И моим (С. Ю. Витте. – *И. Л.*) назначением на эту должность»³⁸.

Председатель совещания Д. М. Сольский поддержал С. Ю. Витте. Он сообщил царю о массовом недовольстве в России «многими сторонами существующего строя, к изменению

³⁴ В. Н. Ламздорф – В. Н. Коковцову 9 августа 1905 г. // ОР РНБ. Ф. 311. Оп. 1. № 3. Л. 77–78.

³⁵ Ч. Хардинг – Г. Ленсдоуну 13 (26) августа 1905 г. (перлюстрация) // РГИА. Ф. 1328. Оп. 2. Д. 5. Л. 92. Хардинг сообщал это со слов американского посланника.

³⁶ *Коростовец И. Я.* Мирные переговоры в Портсмуте в 1905 году // *Былое*. 1918. № 3 (31). С. 74.

³⁷ *Ананьич Б. В., Ганелин Р. Ш.* Сергей Юльевич Витте и его время. СПб., 1999. С. 204–205.

³⁸ *Колышко И. И.* Великий распад. Воспоминания. СПб., 2009. С. 151. Автор уточнял: «Я не ручаюсь за дословную точность приведенной беседы, но я ручаюсь за точность ее смысла» (С. 151).

которого принимаются недостаточно решительные меры». Автор имел в виду невозможность ограничиться созданием одного объединенного правительства. «Надо надеяться, что дарование русскому народу гарантий свободы в законных пределах, в которых ею пользуются все культурные государства, может еще привлечь на сторону правительства благонамеренные сферы. Опираясь на них, только и можно вывести Россию из того крайне опасного положения, в котором она теперь находится, обеспечив в будущем мирное, поступательное развитие» империи³⁹. Д. М. Сольский полностью повторил ход рассуждений С. Ю. Витте: надо уступить умеренным силам, что привлечет их на сторону власти. Как вскоре выяснилось, это заключение базировалось на ошибочных предположениях. Но в те дни казалось, что создание объединенного правительства открывает путь к компромиссу на основе «свобод».

История появления манифеста 17 октября 1905 года сейчас хорошо известна из работ Б. В. Ананьича, Р. Ш. Ганелина, А. В. Островского и М. М. Сафонова⁴⁰. Парадоксально, что этот важнейший в истории России начала XX века документ явился побочным следствием борьбы С. Ю. Витте за премьерство. Несмотря на то, что решающая роль в появлении манифеста, несомненно, принадлежит настойчивости будущего премьера, у него в те дни были влиятельные конкуренты, которые предлагали иные способы разрешения политического кризиса: например, диктатуру (А. П. Игнатъев) или другой объем уступок (проект «консервативного» манифеста, составленный И. Л. Горемыкиным и А. А. Будбергом). Николай II весьма неохотно шел на уступки, колебался (хотя ситуация сложилась критическая: царь с семьей жил в Царском Селе и не мог даже ненадолго выехать в Петербург, а министр двора В. Б. Фредерикс держал наготове паровой катер, чтобы в случае опасности августейшая семья могла эвакуироваться на один из кораблей германского военного флота). С. Ю. Витте требовалось приложить колоссальные усилия, чтобы настоять на своем варианте документа, причем он ни в чем не мог быть уверен до последнего мгновения. Разумеется, многоопытный политик использовал самые разные приемы, например, устранение возможных противников (организовав для прибывшего экстренно в столицу великого князя Николая Николаевича как кандидата в «спасители отечества» встречу с рабочим М. А. Ушаковым, который уговорил его не принимать неблагодарную роль⁴¹. За ее организацией стоял скандально известный князь М. М. Андроников – в те дни действовавший по поручениям С. Ю. Витте)⁴². Напряжение было колоссальным.

Второй раз в течение 1905 года С. Ю. Витте одержал верх. Однако победа эта оказалась пирровой. Власть была уверена, что за рабочими выступлениями и всеобщей политической стачкой стоят либералы. Это не рабочие, а они подстрекали к массовым беспорядкам, они же и руководили революцией. С. Ю. Витте разделял этот взгляд, и как же он был изумлен, когда вместо восторженных благодарностей за манифест он столкнулся с новыми требованиями (в частности, от редакторов повременных изданий – упразднения цензуры) и с отказом лидеров «общественности» поддержать его участием в новом, «конституционном» правительстве.

Разочарованию С. Ю. Витте не было предела. «С общественностью я распростился. Кабинет будет из чиновников... Люди не хотят мне помочь. Власть к обществу, а общество от власти... Им подай Учредительное собрание, присягу!.. Даже во Франции этого поначалу не было»⁴³.

³⁹ Всеподданнейший доклад Д. М. Сольского 17 октября 1905 г. // РГИА. Ф. 1544. Оп. 2. Д. 22. Л. 67–69.

⁴⁰ Ганелин Р. Ш. Российское самодержавие в 1905 году. Реформы и революция. СПб., 1991; Ананьич Б. В., Ганелин Р. Ш. Сергей Юльевич Витте и его время. СПб., 1999. С. 204–228; Островский А. В., Сафонов М. М. Манифест 17 октября 1905 г. // Вспомогательные исторические дисциплины. Вып. XII. Л., 1981. С. 168–188.

⁴¹ См. настоящее издание. С. 405–406.

⁴² Островский А. В. С. Ю. Витте, М. А. Ушаков. К истории манифеста 17 октября 1905 г. // Проблемы социально-экономической и политической истории России XIX–XX веков. Сборник статей памяти В. С. Дякина и Ю. Б. Соловьева. СПб., 1999. С. 364–374.

⁴³ Кольшико И. И. Великий распад. Воспоминания. СПб., 2009. С. 152.

В свою очередь, не менее сильное разочарование, но уже в фигуре самого С. Ю. Витте, испытал царь. Он жаловался своей матери, императрице Марии Федоровне, на нового премьера: «Он сам мне говорил еще в Петергофе, что как только Манифест 17 окт<ября> будет издан, правительство не только может, но должно решительно проводить реформы и не допускать насилий и беспорядков. А вышло как будто наоборот – повсюду пошли манифестации, затем еврейские погромы и, наконец, уничтожение имений помещиков!»⁴⁴ Император, утративший неограниченность собственной власти, горько сожалел: «Я получаю много телеграмм отовсюду, очень трогательного свойства, с благодарностью за дарование свободы, но с ясным указанием на то, что желают сохранения самодержавия. Зачем они молчали раньше – добрые люди?»⁴⁵

Старый строй спасли монархисты и солдаты. Прежде всего, конечно, приверженцы самодержавия. Это они вышли на улицы многих городов после провозглашения свобод, справедливо расценив их как право защищать собственные идеалы, прежде всего – российскую монархию. Так, в Москве, как сообщал оттуда немецкий консул после разговора с генерал-губернатором П. П. Дурново, всеобщая стачка прекратилась, по его мнению, испугавшись реакции. «Студенты, которые еще 8 дней тому назад ходили по улицам с красными розетками в петлицах мундиров и с красными флагами, теперь боятся показываться на улицу в мундире и в большом числе покидают город». Интеллигенция, по наблюдениям генерал-губернатора, стала умереннее и начала «высказывать удовлетворение тем, что уже достигнуто»⁴⁶. «Черная сотня» во многих городах и местечках России, часто при прямой поддержке местных властей, занялась избиением «интеллигентов», учащихся, не говоря уже о революционерах и евреях. Отпор «свободам» был кровавый, страшный. По подсчетам С. А. Степанова, погромы прокатились не менее чем по 358 населенным пунктам, в том числе – по 108 городам⁴⁷. Их жертвами в те дни по всей России стало порядка 4 тысячи человек, а пострадавших физически – до 10 тысяч⁴⁸.

Подавление революции было делом рук не только правой части общества, но и правительства С. Ю. Витте, прежде всего министра внутренних дел в его кабинете П. Н. Дурново. Несмотря на то, что они сильно не ладили друг с другом, в деле борьбы с врагами самодержавия два сановника оказались едины. Премьер также столкнулся сразу же с колоссальным кругом других проблем, начиная с формирования кабинета и подготовки самых необходимых реформ, где успех и удача решительно отвернулись от премьера. Несмотря на «свободы», С. Ю. Витте не поддержала периодическая печать (воспоминания А. А. Спасского-Одынца). Создание правительства обернулось интригами, отказами, и все это происходило в обстановке, близкой к хаосу (воспоминания С. Д. Урусова), а первые шаги нового правительства демонстрировали растерянность С. Ю. Витте и многих его коллег (свидетельства Л. М. Клячко). Несмотря на огромный бюрократический опыт, во многих проблемах государственной жизни С. Ю. Витте проявлял поразительную наивность и неосведомленность, что не замедлили отметить искушенные современники (воспоминания В. И. Гурко, С. Е. Крыжановского). Демонстрируя на публике приверженность новым «свободам», в кулуарах при немногих свидетелях граф демонстративно защищал прерогативы самодержавия. К примеру, это он выступил перед царем еще в декабре 1905 года с инициативой ввести в России военно-полевые суды для расправ с революционерами, а не П. А. Столыпин, которому потом приписали их идею. Но Совет министров не поддержал своего главу, и с мнением министров согласился Николай II⁴⁹. Эта метаморфоза

⁴⁴ См. настоящее издание С. 444.

⁴⁵ См. настоящее изд. С. 443.

⁴⁶ Донесение германского консула в Москве Кольгада фон Бюлову 26 октября / 8 ноября 1905 г. (перлюстрация) // РГИА. Ф. 1328. Оп. 2. Д. 6. Л. 88–89.

⁴⁷ Степанов С. А. Черная сотня в России (1905–1914 гг.). М., 1992. С. 54–55.

⁴⁸ Первая революция в России: взгляд через столетие. М., 2005. С. 324.

⁴⁹ Королева Н. Г. Первая российская революция и царизм. Совет министров России в 1905–1907 гг. М., 1982. С. 63–64.

нашла яркое отражение и в выступлениях графа на особых совещаниях, о чем убедительно повествуется в дневнике А. А. Половцова, также их участника. Такие свидетельства имеют огромную ценность хотя бы потому, что стенограмм их не велось, и лишь очевидцы зафиксировали для будущего позиции их участников и прозвучавшие там речи.

Отставка первого кабинета, о которой постоянно говорили чуть ли не с момента его формирования, тем не менее оказалась для его членов, в том числе и С. Ю. Витте, неожиданно (это убедительно показано в мемуарах министра народного просвещения графа И. И. Толстого). Его свидетельство вместе с заметками вхожего в самые разные круги Л. М. Клячко (Львова) рисуют картину быстрого падения престижа и влияния графа, который при первом же удобном случае был отправлен Николаем II в отставку (это произошло 22 апреля 1906 года). Смена кабинета состоялась накануне открытия Государственной думы 27 апреля 1906 года, которая, как предполагалось, окажется революционной и создаст проблемы царскому правительству. Уж не потому ли император удалил с политической арены кабинет С. Ю. Витте в этот момент, что боялся, как бы граф не нашел общего языка с оппозицией, тогда сместить его было бы существенно сложнее?

Питали ненависть к С. Ю. Витте и крайне правые. История организации ими покушения на графа, уже после его отставки, получившая громкую известность в печати, представлена в этом сборнике в воспоминаниях Л. М. Клячко (Львова), изложившего их явно под впечатлением от рассказов самого С. Ю. Витте, обвинявшего во всем правительство П. А. Столыпина. Однако нехитрый рассказ журналиста об обстоятельствах этого покушения (бомбы были снабжены часовыми механизмами, которые не действовали, дворника предварительно оповестили о необходимости барину быть осторожным), а также история второго несостоявшегося покушения (точный день и едва ли не час которого знал только что не весь город) позволяют выдвинуть другую версию: это была не столько угроза жизни графу, сколько демонстрация того, что «измена» монарху будет караться «черной сотней». В противном случае трудно увязать все это в одну цепочку: покушение на жизнь царского сановника, которое демонстративно готовили ревностные защитники самодержавия, используя приемы революционеров, и вялое расследование полиции, отсутствие явного интереса у премьера П. А. Столыпина и самого Николая (похоже, они имели все основания не придавать этому большого значения).

Находясь в отставке, С. Ю. Витте не утратил популярности у журналистов. Разумеется, он сам прилагал к тому немало усилий, надеясь тем самым оставаться в политической жизни. Вообще отношению С. Ю. Витте с прессой, как отечественной, так и зарубежной, посвящено немало страниц воспоминаний самых разных авторов (А. Е. Кауфман, А. А. Спасский-Одынец, А. В. Руманов, И. М. Троцкий, Л. М. Клячко (Львов) и др.). Сановник всегда придавал исключительное значение печатному слову, через В. П. Мещерского и чуть позже через А. С. Суворина постоянно размещал в газетах заказанные им статьи. Он один из немногих в тогдашней России понимал, каким серьезным оружием в политике стали средства массовой информации, и преуспел в их использовании.

Но пишущую братию следовало постоянно подкармливать «интересными фактами» и в отставке. Граф исправно делал это, снабжая их комментариями к недавнему прошлому. Вокруг С. Ю. Витте даже сложился небольшой пул журналистов (А. В. Руманов, И. М. Троцкий), которых он систематически привлекал для размещения нужных ему материалов в печати. Конечно, не обошлось без знакомства читателей с фрагментами его воспоминаний, уже написанных или готовящихся начиная с 1912–1913 годов. С. Ю. Витте активно продолжал эту деятельность вплоть до самой войны, о чем свидетельствуют очерки И. М. Троцкого, посетившего графа на австрийском курорте Бад-Зальцширф по его просьбе в самый канун Первой мировой войны.

Впрочем, роль публичного политика и человека, которую граф пытался разыгрывать после 1906 года, удалась ему не вполне. Он так и не смог преодолеть прошлое и продолжал действовать как опытный интриган и царедворец, «под ковром», искал возможности возвращения

в большую политику, о чем мечтал до самого конца жизни, привычными для себя способами – закулисными влияниями. Современники знали о том, что он возобновил тесное общение со своим давним ментором князем В. П. Мещерским. Отдельно стоит история отношений С. Ю. Витте с Г. Е. Распутиным. К сожалению, известно об этом не так много, только о факте их редких контактов (чаще всего не прямых, а при посредстве супруги Сергея Юльевича) и о том, что «старец» всегда уважительно отзывался о «Вите». Однако испытанное ранее средство не помогло. Николай II относился к нему настолько отрицательно, что испытал облегчение при известии о его кончине 28 февраля (13 марта) 1915 года. С. Ю. Витте упокоился на кладбище Александро-Невской лавры, на его могиле – массивное надгробье, чем-то напоминающее самого графа: крупного, угловатого, лишенного изящества. На нем, уже после Февральской революции, согласно его завещанию, выбита дата – 17 октября 1905 года. С. Ю. Витте считал Манифест важнейшим делом своей жизни, что, вероятно, справедливо.

В настоящем издании представлена лишь часть свидетельств современников о С. Ю. Витте, немало их в книгу не вошло, так как многие авторы не соприкасались с графом близко при его жизни, поэтому сообщали либо общеизвестную, а иногда и просто недостоверную информацию. Таковы, например, мемуары «распутинца» А. С. Симановича, у которого даже имеется особый раздел «Витте ищет протекции Распутина»⁵⁰. К сожалению, этот крайне любопытный сюжет содержит такое количество бросающихся в глаза неточностей и явных фантазий, что он заслоняет собой достоверные сведения, которых оказывается совсем немного. Аналогичная ситуация с дневником А. В. Богданович. Сведения, содержащиеся в опубликованных из него фрагментах в 1924 году (затем переизданных в 1990 году)⁵¹, содержат в основном слухи, в большом количестве сопровождавшие фигуру С. Ю. Витте на протяжении всей его карьеры. Любопытные сами по себе, они требуют обстоятельных комментариев и широкого контекста, выходящего за рамки настоящего издания.

Особняком стоят свидетельства зарубежных авторов. Большинство иностранных коллег довольствовались лишь мимолетными встречами с С. Ю. Витте, поэтому в своих текстах они часто опирались либо на слухи, либо на общие представления, циркулировавшие в европейской печати. Мемуары Б. Бюлова в этом смысле типичны, но при этом наиболее информативны. Есть исключения – небольшое число иностранных журналистов, тесно работавших с С. Ю. Витте (точнее, используемых им для публикации за границей нужной ему информации). Один из таких авторов – Эмиль Диллон – оставил воспоминания⁵². Правда, они посвящены не столько персоне графа, сколько тогдашней России в целом. Тем не менее они показывают С. Ю. Витте с неожиданной стороны – как политика, стремившегося быть понятным на Западе и искавшего там популярности.

В целом надо признать, что образ С. Ю. Витте, складывающийся из воспоминаний, без сомнения, неоднозначен. Если определить его в двух словах, то это образ выдающегося политика с присущими людям такого масштаба особенностями. Нельзя не признать – по уровню понимания проблем, по размаху проектов и замыслов он стоит намного выше, чем подавляющее большинство современных ему российских сановников. В «большом человеке» все было крупно: и достоинства, и недостатки.

---

⁵⁰ Симанович А. Распутин и евреи. Воспоминания личного секретаря Григория Распутина. Рига, [1921]. С. 87–92 (были также издания в 1924 и 1928 гг., затем многократные переиздания в СССР и России).

⁵¹ Три последних самодержца. Дневник А. В. Богданович. М.; Л., 1924; Богданович А. Три последних самодержца. М., 1990.

⁵² Dillon E. Eclipse of Russia. N.Y., 1918.

С. Ю. Витте

Все истинно просвещенные, не озлобленные и не потерявшие веру в политическую честность верхов поняли, что обществу дано сразу всё, о чем оно так долго хлопотало и добивалось, в жертву чего было принесено столь много благородных жизней, начиная с декабристов.

С. Ю. Витте о Манифесте 17 октября 1905 года

[С. Ю. Витте]

Из архива С. Ю. Витте. Рассказы в стенографической записи

Часть первая

О предках

Отец мой, Юлий Федорович Витте, был директором Департамента государственных имуществ на Кавказе. Мать моя, Екатерина Андреевна Фадеева, – дочь члена Главного управления наместника Кавказского Фадеева⁵³. Фадеев был женат на княжне Елене Павловне Долгорукой, которая была последней из старшей отрасли князей Долгоруких, происходящей от Григория Федоровича Долгорукова, сенатора при Петре I, брата знаменитого Якова Федоровича Долгорукова. Мой дед приехал на Кавказ при наместнике светлейшем князе Воронцове, который положил прочное гражданское основание управлению Кавказом. Ранее дед управлял иностранными колониями в Новороссийском крае, когда светлейший князь Воронцов был новороссийским генерал-губернатором, а еще ранее этого мой дед Фадеев был губернатором в Саратове. У моего деда было три дочери и один сын. Старшая дочь, довольно известная писательница времен Белинского, которая писала под псевдонимом «Зинаида Р.», была замужем за полковником Ганом. Вторая дочь была моя мать. Третья дочь⁵⁴ осталась девицей, она до настоящего времени жива, ей, вероятно, около 83 лет, она ныне живет в Одессе. Сын же деда – генерал Фадеев – был ближайшим сотрудником фельдмаршала князя Барятинского, наместника Кавказского. Фадеев известен как выдающийся военный писатель. Когда дед был губернатором в Саратове, министром внутренних дел того времени Перовским был командирован в Саратовскую губернию мой отец – дворянин Витте – как специалист по сельскому хозяйству. Там он влюбился в мою мать и женился на ней. Отец мой окончил курс в Дерптском университете; затем он изучал сельское хозяйство и горное дело в Пруссии. Он приехал на Кавказ вместе с семьей Фадеевых и кончил свою карьеру тем, что был директором Департамента земледелия на Кавказе. Он умер сравнительно в молодых годах, т. е. ему было немного более 50 лет. Стар-

---

⁵³ Фадеев Андрей Михайлович (1789–1867) с 1846 г. и до конца дней служил на Кавказе управляющим казенными имуществами.

⁵⁴ Фадеева Надежда Андреевна (1829–1919) собрала значительную частную коллекцию исторических предметов и рукописей, в том числе связанных с ее семьей. Возможно, эта страсть передалась ей от матери – Елены Павловны, урожд. Долгоруковой (1788–1860), одной из замечательных женщин своей эпохи, профессионально занимавшейся естественными науками и получившей признание в научных кругах. Она собрала огромный гербарий кавказской флоры с его описанием, имевший научное значение, коллекционировала также минералы, древности, монеты, вела обширную переписку.

шая дочь, Ган («Зинаида Р.»), имела двух дочерей и одного сына. Она умерла в молодости. Ее старшая дочь была известная теофизитка, или спиритка, Блаватская; младшая же дочь – известная писательница, писавшая преимущественно различные рассказы для юношества, – Желиховская. Сын госпожи Ган был ничтожною личностью и кончил свою жизнь в Ставрополе мировым судьей.

О Блаватской

<...> Когда Ган умерла, дед мой Фадеев взял обеих дочерей к себе на Кавказ. Вскоре Желиховская вышла замуж за первого своего мужа Яхонтова, псковского помещика; Блаватская вышла замуж за Блаватского, эриванского вице-губернатора. Тогда меня или не было на свете, или же я был еще совершенно мальчиком, а потому Блаватскую в то время не помню, но по рассказам домашних я знаю следующее: вскоре она бросила мужа и переехала из Эривани в Тифлис к деду. В то время одним из самых больших и гостеприимных домов в Тифлисе был дом Фадеевых. Фадеев жил вместе со всею семьею Витте и занимал в Тифлисе громадный дом недалеко от Головинского проспекта, в переулке, идущем с Головинского проспекта на Давидовскую гору, название которого я не запомнил. Жил он так, как жилали в прежнее время, во времена крепостных, большие бары. Так, я помню, хотя я был совсем мальчиком, что одной дворни (т. е. прислуги) у нас было около 84 человек, я помню отлично даже эту цифру; громадное большинство этой дворни были крепостные княжны Долгорукой. Когда Блаватская появилась в доме Фадеевых, то мой дед счел прежде всего необходимым отправить ее скорее в Россию, к ее отцу, который в то время командовал батареей где-то около Петербурга. Так как тогда никаких железных дорог на Кавказе еще, конечно, не было, то отправка Блаватской совершилась следующим образом: дед назначил доверенного человека – дворецкого, двух женщин из дворни и одного малого из молодой мужской прислуги; был нанят большой фургон, запряженный <четырь>мя лошадьми. Вот каким образом совершались эти дальние поездки. Блаватская была отправлена с этой свитой до Потти, а из Потти предполагали далее отправить ее морем в один из черноморских портов и далее уже по России. Когда они приехали в Потти, там стояло несколько пароходов, и в их числе один английский пароход. Блаватская снюхалась с англичанином, капитаном этого парохода, и в одно прекрасное утро, когда люди в гостинице встали, – они своей барыни не нашли: Блаватская в трюме английского парохода удрала в Константинополь. В Константинополе она поступила в цирк наездницей, и там в нее влюбился один из известнейших в то время певцов – бас Митрович; она бросила цирк и уехала с этим басом, который получил ангажемент петь в одном из наибольших театров Европы, и вдруг мой дед после этого начал получать письма от своего «внука» оперного певца Митровича; Митрович уверял его, что он женился на внучке деда Блаватской, хотя последняя никакого развода от своего мужа Блаватского, эриванского губернатора, не получала. Прошло некоторое время, и мой дед и бабушка Фадеевы вдруг получили письмо от нового «внука», от какого-то англичанина из Лондона, который уверял, что он женился на их внучке Блаватской, отправившейся вместе с этим англичанином по каким-то коммерческим делам в Америку. Затем Блаватская появляется снова в Европе и делается ближайшим адептом спирита того времени, т. е. 60-х годов прошлого столетия, Юма. Затем из газет семейство Фадеевых узнало, что Блаватская дает в Лондоне и Париже концерты на фортепиано; потом она сделалась капельмейстершею хора, который содержал при себе сербский король Милан. Во всех этих перипетиях прошло, вероятно, около 10 лет ее жизни, и, наконец, она выпросила разрешение у деда Фадеева приехать снова в Тифлис, обещая вести себя скромно и даже снова сойтись со своим настоящим мужем – Блаватским. И вот, хотя я был тогда еще мальчиком, помню ее в то время, когда она приехала в Тифлис; она была уже пожилою женщиною, и не так лицом, как бурной жизнью. Лицо ее было чрезвычайно выразительно; видно было, что она была прежде очень красива, но

со временем крайне располнела и ходила постоянно в капотах, мало занимаясь своей особой, а поэтому никакой привлекательности не имела. Вот в это-то время она почти свела с ума часть тифлисского общества различными спиритическими сеансами, которые она проделывала у нас в доме. Я помню, как к нам каждый вечер собиралось на эти сеансы высшее тифлисское общество, которое занималось верчением столов, спиритическим писанием духов, стучанием столов и прочими фокусами. Как мне казалось, моя мать, тетка моя Фадеева и даже мой дядя Фадеев – все этим увлекались и до известной степени верили. Но эти занятия проделывались более или менее втайне от главы семейства моего деда, а также и от моей бабушки Фадеевых; также ко всему этому довольно отрицательно относился и мой отец. В это время адъютантами фельд-маршала Барятинского были: граф Воронцов-Дашков, теперешний наместник Кавказский, оба графа Орловы-Давыдовы и Перфильев – это всё были молодые люди из петербургской гвардейской *jeunesse dorée*⁵⁵, я помню, что все они постоянно просиживали у нас целые вечера и ночи, занимаясь спиритизмом. Хотя я был тогда совсем еще мальчик, но уже относился ко всем фокусам Блаватской довольно критически, сознавая, что в них есть какое-то шарлатанство, хотя оно и было сделано весьма искусно; так, например, раз при мне, по желанию одного из присутствующих, в другой комнате начало играть фортепиано, совсем закрытое, и никто в это время у фортепиано не стоял. <...>

...Когда я познакомился ближе с ней, то был поражен ее громадным талантом все схватывать самым быстрым образом: никогда не учившись музыке, она сама выучилась играть на фортепиано и давала концерты в Париже (и Лондоне); никогда не изучая теории музыки, она сделалась капельмейстером оркестра и хора у сербского короля Милана; давала спиритические представления; никогда серьезно не изучая языков, она говорила по-французски, по-английски и на других европейских языках, как на своем родном языке; никогда не изучая серьезно русской грамматики и литературы, многократно на моих глазах она писала длиннейшие письма стихами своим знакомым и родным с такой легкостью, с которой я не мог бы написать письма прозой; она могла писать целые листы стихами, которые лились как музыка и которые не содержали в себе ничего серьезного. Она писала с легкостью всевозможные газетные статьи на самые серьезные темы, совсем не зная основательно того предмета, о котором писала; могла, смотря в глаза, говорить и рассказывать самые небывалые вещи, выражаясь иначе – неправду, и с таким убеждением, с каким говорят только те лица, которые никогда, кроме правды, ничего не говорят. Рассказывая небывалые вещи и неправду, она, по-видимому, сама была уверена в том, что то, что она говорила, действительно было, что это правда, поэтому я не могу не сказать, что в ней было что-то демоническое, что было в ней, сказать попросту, что-то чертовское, хотя, в сущности, она была очень незлобивый, добрый человек. Она обладала такими громадными голубыми глазами, каких я после никогда в моей жизни ни у кого не видел, и когда она начинала что-нибудь рассказывать, а в особенности небылицу, неправду, то эти глаза все время страшно искрились, и меня поэтому не удивляет, что она имела громадное влияние на многих людей, склонных к грубому мистицизму, ко всему необыкновенному, т. е. на людей, которым приелась жизнь на нашей планете и которые не могут возвыситься до истинного понимания и чувствования предстоящей всем нам загробной жизни, т. е. на людей, которые ищут начала загробной жизни, и, так как они их душе недоступны, то они стараются увлечься хотя бы фальсификацией этой будущей загробной жизни. <...> В конце концов, если нужно доказательство, что человек не есть животное, что в нем есть душа, которая не может быть объяснена каким-нибудь материальным происхождением, то Блаватская может служить этому отличным доказательством; в ней несомненно был дух, совершенно независимый от ее физического или физиологического существования. Вопрос только в том: каков был этот дух, а если встать на точку зрения представления о загробной жизни, что она делится на ад, чисти-

---

⁵⁵ Золотой молодежи (*франц.*).

лице и рай, то весь вопрос только в том – из какой именно части вышел тот дух, который поселился в Блаватской на время ее земной жизни.

О Желиховских

Вторая дочь «Зинаиды Р.», Вера Петровна Желиховская, хорошо известна благодаря своим книгам в Петербурге и вообще в больших российских городах; по крайней мере мне постоянно матери говорят о книгах, ею написанных, и сожалеют, что ее уже больше нет в живых и что теперь нет книг, которые были бы удобны для чтения юношества. Признаться, я ни одной книги ее не читал. Как я говорил, она была сначала замужем за Яхонтовым, а затем, когда Яхонтов умер, она со своими детьми переехала в Тифлис, в дом Фадеевых, влюбилась в учителя Тифлисской гимназии, впоследствии директора гимназии Желиховского. Фадеевы, которые были очень не чужды особого рода дворянского, или, вернее, боярского, чванства 60-70-х годов, конечно, о такой свадьбе и слышать не хотели. Вследствие этого Вера Петровна бежала из дому, вышла замуж за Желиховского, и в доме Фадеевых он никогда не бывал. После, когда бабушка Фадеева, урожденная княжна Долгорукая, и Фадеев умерли, мои отец и мать начали принимать Желиховских. У Желиховской осталось двое сыновей от мужа Яхонтова, из которых первый – полковник одного из драгунских кавалерийских полков, и три дочери от Желиховского; старшая дочь вышла замуж за американца-публициста Джон-с<т>она. Он представлялся мне со своей женой в Нью-Йорке, когда я был в Америке по случаю заключения мирного трактата с Японией. Две другие дочери Желиховской находятся в Одессе, из которых одна несколько недель тому назад вышла замуж за семидесятилетнего корпусного командира.

Обе эти дочери таковы, что мои сестры, жившие в Одессе, никогда не хотели их принимать. И теперь моя сестра, крайне болезненная, которая и ныне живет в Одессе, также не принимает этих Желиховских, считая их позорными субъектами. Я лично хотя и не отношусь строго к поведению лиц по части нравственности, но все-таки, со своей стороны, не принимал Желиховских, когда они желали бывать у меня, ибо достаточно сказать, что, насколько мне известно, они были даже агентами Охранного отделения и состояли в особой дружбе с одесским градоначальником Толмачёвым; вот именно это-то обстоятельство и не дает мне возможности относиться к этим Желиховским иначе, как с полнейшим презрением.

О семействе отца

Относительно семейства Витте я знаю, что мой отец, приехавший в Саратовскую губернию, был лютеранином; он был дворянин Псковской губернии, хотя и балтийского происхождения. Предки его были голландцы, приехавшие в Балтийские губернии, когда таковые еще принадлежали шведам. Но семья Фадеевых была столь архиправославная, не в смысле черносотенного православия, а в лучшем смысле этого слова – истинно православная, что, конечно, несмотря ни на какую влюбленность моей матери в молодого Витте, эта свадьба не могла состояться, до тех пор пока мой отец не сделался православным. Поэтому еще до женитьбы, или во всяком случае в первые годы женитьбы, до моего рождения, отец мой уже был православным, и так как он вошел совершенно в семью Фадеевых, а с семьею Витте не имел никаких близких отношений, то, конечно, прожив многие десятки лет в счастливом супружестве с моей матерью, он и по духу сделался вполне православным. У них было три сына: Александр, Борис⁵⁶ и третий – я, Сергей, а затем две дочери, которые были моложе меня, одна – Ольга, другая – Софья⁵⁷.

---

⁵⁶ Витте Борис Юльевич (1848–1902) в 1870 г. окончил Новороссийский университет, затем служил на прокурорских должностях. Он стал старшим председателем Одесской судебной палаты в 1899 г.

⁵⁷ Витте Софья Юльевна (1860–1917) – младшая сестра С. Ю. Витте, писательница, опубликовала при жизни несколько

О брате Александре

Мой старший брат – Александр – умер после последней турецкой войны⁵⁸. Он кончил курс в Московском кадетском корпусе и служил все время в Нижегородском драгунском полку. Память о нем в этом полку сохранилась до настоящего времени, до сих пор наиболее любимые песни, которые поются в этом полку, упоминают о храбром майоре Витте. Александр был средних умственных способностей, среднего образования, но был прекраснейшей души человек. Его любили все товарищи, а также и те офицеры, с которыми он когда-нибудь сталкивался. Перед войной с Турцией он дрался на дуэли с сыном бывшего товарища министра иностранных дел при Горчакове – Вестманом, которого и убил.

<...> В то время кавказским наместником уже был великий князь Михаил Николаевич, который очень любил моего брата, и во время военного суда, происходившего в Тифлисе, все время находился в суде. В конце концов брата моего присудили к шестимесячному аресту в крепости, но Александр не просидел, кажется, и двух месяцев, так как была объявлена Восточная война⁵⁹, он по распоряжению великого князя был освобожден и пошел на войну вместе со своим полком в качестве эскадронного, а потом и дивизионного командира. На войне он многократно отличился, но ни разу не был ранен.

<...> Только перед самым окончанием войны, когда почти уже было известно, что война кончилась, Александр с маленьким отрядом ехал поверять посты, и тут шальная турецкая бомба пролетела мимо его головы и контузила. Считали, что он убит, даже мать моя получила телеграмму от великого князя Михаила Николаевича с соболезнованием о том, что ее старший сын, один из самых любимейших его офицеров, к сожалению, убит. Но когда Александра положили в госпиталь, он через несколько дней пришел в себя и вскоре поправился.

О брате Борисе

Второй мой брат – Борис – ничего особенного собою не представлял; он был любимцем матери и отца и был более других избалован. Борис кончил курс вместе со мною, но он был на юридическом факультете. Затем все время он служил в судебном ведомстве и кончил свою карьеру тем, что умер председателем Одесской судебной палаты.

О сестрах Ольге и Софьи

Затем у меня, как я уже говорил, были две сестры; одна – Ольга и другая – Софья. Ольга умерла года два тому назад, не достигнув 50-летнего возраста, а младшая Софья жива до сих пор и до сих пор находится в Одессе. Младшая сестра Софья получила от кого-то, т. е. посредством заражения, туберкулез легких. Обе сестры были крайне дружны и жили вместе. Старшая сестра Ольга, конечно, ухаживала за младшей, заразилась от нее тем же самым туберкулезом и умерла; младшая же сестра жива до сего времени, хотя весьма больна. В настоящее время из семейства Фадеевых остались в живых я, моя сестра Софья и тетка Надежда Андреевна Фадеева, которая живет в Одессе вместе с сестрой; тетке уже около 83 лет. Я был любимцем моего дедушки, и в семействе вообще относились ко мне любовно, но, в общем, довольно равнодушно. Старший брат Александр был любимцем бабушки, а сестра Ольга была любимицей

сборников рассказов и повестей, а также ряд литературоведческих статей о русских писателях.

⁵⁸ Имеется в виду война 1877–1878 гг. А. Ю. Витте умер в 1884 г. – *Примеч. ред.*

⁵⁹ То есть Крымская война (1853–1856). – *Примеч. ред.*

отца и матери как первая дочь, родившаяся после трех сыновей. Софья же была никем особенно не балована, но все к ней относились любовно. Первоначальное воспитание и образование в детстве мы, все три мальчика, получили от нашей бабушки – Елены Павловны Фадеевой, урожденной Долгорукой.

***О бабушке Е. П. Фадеевой, урожденной княжне Долгорукой,
и о древнем кресте князя Михаила Черниговского***

Елена Павловна была совершенно из ряда вон выходящая женщина по тому времени в смысле своего образования; она весьма любила природу и занималась весьма усердно ботаникой. Будучи на Кавказе, она составила громадную коллекцию кавказской флоры с описанием всех растений и научным их определением. Вся эта коллекция и весь труд Елены Павловны были подарены наследниками ее в Новороссийский университет. Бабушка научила нас читать, писать и внедрила в нас основы религиозности и догматы нашей православной церкви. Я ее иначе не помню, как сидящую в кресле вследствие полученного ею паралича. Бабушка умерла, когда мне было лет 10–12. Мой дедушка Фадеев находился под ее нравственным обаянием, так что главою семейства была всегда Фадеева-Долгорукая. Дедушка женился на ней, будучи молодым чиновником; где он с нею познакомился – я не знаю, но знаю, что родители моей бабушки жили в Пензенской губернии; они были дворяне Пензенской губернии.

Когда они поженились, то отец бабушки – Павел Васильевич Долгорукий – благословил их древним крестом, который, по семейным преданиям, принадлежал Михаилу Черниговскому. <...> В последнюю бытность мою в Одессе, два года тому назад, тетка вручила этот крест мне, так как она уже стала стара. Крест этот находится у меня в доме; я его показывал здесь двум знатокам – с одной стороны, академику Кондакову, а с другой – директору Публичной библиотеки Кобеко. Оба они, признавая, что этот крест самого древнейшего происхождения и содержит в себе святые мощи, сомневаются в правильности сохранившегося в семействе князей Долгоруких предания, а также и относительно того, что этот крест был на Михаиле Черниговском ранее его казни, но, с другой стороны, они не решаются безусловно утверждать противное.

О Ростиславе Андреевиче Фадееве

Так как у моего деда Фадеева были три дочери и только один сын, то понятно, что всю свою любовь они сосредоточили на этом сыне. Когда этот сын Ростислав вырос, то Фадеевы из Саратова, где мой дед был губернатором, перевезли его в Петербург и поместили в один из кадетских корпусов, где с ним случился такой казус. Как-то утром по коридору, где находился кадет Фадеев, проходил офицер-воспитатель; офицер заметил, что у Фадеева дурно причесаны волосы, а потому сказал ему: «Подите, перечешитесь», – и при этом сунул свою руку в его волосы, за что Фадеев ударил этого офицера по физиономии. Это происшествие было, конечно, сейчас же доложено императору Николаю I, и в результате Фадеев был сослан солдатом в одну из батарей, находившуюся в Бендерах. По тем временам он должен был подвергнуться гораздо большему наказанию, но благодаря тому, что начальником всех военных учебных заведений был князь Долгорукий, который вступился за своего родича, император Николай I, любивший князя, ограничился этим наказанием. Приехав в Бендеры, Фадеев исправно вынес службу в солдатах в течение назначенного ему времени; отбыв это наказание, он вернулся к своему отцу в Саратов дворянином без всяких занятий. Тут, в Саратове, благодаря влиянию своей матери, весьма образованной женщины, он увлекся чтением и изучением наук. Только таким образом, во время своего пребывания в Саратове, под руководством матери, Фадеев сделался вполне

образованным человеком благодаря любви к чтению и вообще к наукам, его интересующим, преимущественно историческим, географическим и военным. Из дальнейшего рассказа будет видно, что Фадеев имел громадное влияние на мое образование и на мою умственную психологию. Я к нему был очень близок, в особенности после того, когда уже окончил курс в университете и потому жил уже вполне сознательною жизнью.

<...> В конце концов Фадеев уехал вольноопределяющимся на Кавказ. Уехал он туда потому, что в то время Кавказ манил к себе всех, кто предпочитал жить на войне, а не в мирном обществе. Это же, вероятно, было причиною того, что мои дед и бабушка, когда получили приглашение от наместника на Кавказе светлейшего князя Воронцова приехать туда, легко на это предложение согласились. <...>

Воспоминания из детства

Из моего раннего детства я помню некоторые вещи, но до настоящего времени оставшиеся в живых мои родные смеются надо мною по поводу того, что я безусловно утверждаю, что когда мне было всего несколько месяцев и в Тифлисе началась эпидемия, то я отлично помню, как мой дед взял меня к себе на лошадь и верхом увез из Тифлиса в его окрестности. Я до сих пор помню тот момент, когда я ехал у него на руках, а он сидел верхом на лошади. Но когда я об этом рассказал моей покойной матери и сестрам, они всегда смеялись надо мною, говоря, что я не могу этого помнить, и только моя кормилица, которая до сих пор жива и которую я видал только неделю тому назад, так как она живет у моей сестры в Одессе (куда я ездил на праздники), только она одна не возражает и думает, что действительно я это помню и что это воспоминание не есть моя фантазия. Затем я помню и еще другой момент, но это уже момент, так сказать, не личный, а более или менее общественный. Я помню, что когда мне было всего несколько лет, я находился в моей комнате с моей нянькой (это было в Тифлисе), вдруг в эту комнату вошла моя мать, которая рыдала, потом сюда же пришли мой дед, бабушка, тетка и все они навзрыд рыдали. Помню, что причиной их слез и рыданий было полученное только что известие о смерти императора Николая Павловича. Это произвело на меня сильное впечатление; так рыдать можно было, только потеряв чрезвычайно близкого человека. Вообще вся моя семья была в высокой степени монархической семьей, и эта сторона характера осталась и у меня по наследству. <...>

О горной промышленности на Кавказе и участии в ней отца

Еще во времена Барятинского кавказский наместник был заинтересован тем, чтобы начать разработку различных богатств, которые содержит Кавказ. Я помню, что эти попытки производились еще в то время, когда я был мальчиком. Хотя в настоящее время Кавказ в этом отношении и сделал некоторые успехи, но эти успехи сравнительно с теми богатствами, которые он содержит, совершенно ничтожны. Я помню время, когда производство нефти в Баку ограничивалось несколькими миллионами пудов; оно сдавалось с торгов, и эти промыслы находились всецело в руках Мирзоевых. В то время это было самое ничтожное производство, а теперь нынешние промыслы представляют из себя одно из самых громадных богатств Кавказа, или, в сущности говоря, Российской империи. Когда же кавказский наместник очень заинтересовался тем, чтобы на Кавказе было производство чугуна, то он обратился к некоему Липпе, баденскому консулу в Одессе, который приехал на Кавказ; наместник предложил ему разработать четахские руды. Липпе пригласил туда русских горных инженеров (главный инженер — Бернулли), которые, приехав в Тифлис, начали разрабатывать эту руду. Так как все, что касалось государственных имуществ, находилось в ведении Департамента государственных имуществ, т. е. в ведении моего отца, то я помню, что мой отец ездил, между прочим, осматривать

эти заводы и при этом брал меня и моего старшего брата Бориса с собой. Приехав на четахские заводы, мы там до известной степени бедствовали, потому что у нас, мальчиков, был прекрасный аппетит, а нам у немцев за обедом подавали самые удивительные вещи: например, суп из чернослива, дичь с вареньем и проч. За обедом мы ничего не могли есть, а потому отправлялись в харчевню, где и наедались; в особенности много мы пили кофе и ели хлеб с маслом.

Эти четахские заводы сыграли печальную роль в дальнейшей участи нашего семейства. Липпе, едучи раз из четахских заводов в Одессу верхом, свалился с лошади, упал и разбил себе голову. Вследствие этого заводы эти, которые в то время только еще начали действовать и, конечно, ничего еще, кроме убытков, не давали, должны были закрыться; тогда Барятинский упросил моего отца взять на себя управление этим заводом, и мой отец, который кончил курс в Дерптском университете и затем изучал как горное дело, так и сельское хозяйство в Пруссии, согласился, или, вернее говоря, подчинился желанию наместника. Наместник обещал все это со временем оформить. Но в то время отцу⁶⁰ надо было сразу начать вести чисто коммерческое дело, на которое требовались деньги, и деньги на это дело давал мой отец, который сам состояния не имел, а получил довольно большое приданое за свою жену, моей матерью Фадеевой. И вот он, конечно, с ведома моей матери, которая отдала все свои средства в его распоряжение, тратил деньги на этот завод, рассчитывая, что со временем, когда это дело наладится, деньги ему будут возвращены. Но своих денег ему не хватило; он вынужден был обращаться к частным лицам и брать у них деньги, давая им векселя за свою подписью. Таким образом велось дело этого завода. Но вот неожиданно Барятинский уехал за границу, а на его место был назначен наместником Кавказским великий князь Михаил Николаевич, которому и было доложено, на каких основаниях ведется это дело. Великий князь просил моего отца продолжать вести это дело, сказав, что он обо всем напишет государю, и тогда все это дело будет оформлено, а деньги будут возвращены.

Между тем мой отец совсем неожиданно умер, истратив все состояние моей матери и, кроме того, сделав громадные долги. Моему отцу еще при Барятинском было пожаловано большое имение в Ставропольской губернии (которое ныне, вероятно, стоит громадные деньги), это имение должно было перейти нам, его наследникам. Но так как мы были тогда еще малолетние, то над нами был назначен опекуном Горбунов, один из помощников моего отца по департаменту, который и посоветовал нам отказаться от наследства, так как у моего отца было больше долгов, нежели имущества. Долги эти были сделаны моим отцом не для себя, а, собственно говоря, для четахских заводов.

Таким образом, все состояние моей матери было истрачено на это дело; имение также было потеряно, но мало этого, по каким-то причинам – я не знаю – на всех нас, т. е. на меня и на моих двух братьев, Александра и Бориса, был сделан какой-то большущий начет. Таким образом, моя мать очутилась без всяких средств, за исключением тех денег, которые она получила от деда, и то получила их не сама лично, не прямо от деда, а получил их брат ее, который отказался от своей части в пользу своих сестер, т. е. моей матери, а также в пользу Надежды Андреевны Фадеевой, которая до сих пор еще живет в Одессе. На нас же, трех братьев, как я уже говорил, был сделан большущий начет. Кажется, на мою долю, например, причитался начет в 200 тыс. руб. Я помню, когда я был управляющим Юго-Западными дорогами, то ко мне с этим начетом приходили судебные чины, приходил пристав. Я им всякий раз говорил одно, что если бы ко мне предъявили начет не в 200 тыс. руб., а в 200 руб., то я был бы очень опечален, потому что в то время у меня средства были очень маленькие, но так как ко мне предъявляли начет в 200 тыс. руб., то для меня совершенно безразлично, делается ли на меня этот начет или нет, так как я не имею таких средств, чтобы его уплатить.

---

⁶⁰ Так у автора. Вероятно, здесь имеется в виду наместник. – *Примеч. ред.*

Так это дело продолжалось до тех пор, пока при Александре III великий князь Михаил Николаевич, будучи уже председателем Государственного совета и затем членом Комитета министров, в то время когда Лорис-Меликов был министром внутренних дел, т. е., пожалуй, диктатором, а председателем одного из департаментов был Старицкий (бывший председатель Судебной палаты в Тифлисе, а ранее директор Департамента юстиции, в то время когда отец мой был директором Департамента государственных имуществ) – все они в это дело вмешались, и после прошествия многих лет постановлением Комитета министров, высочайше утвержденным, было решено все недочеты сложить и их более не предъявлять. Причем я должен заметить, что так как все мы со смертью отца остались без всяких средств, то я, а также и мой брат в течение всего времени пребывания нашего в университете получали от кавказского наместничества 50 руб. в месяц стипендии, и таким образом я кончил курс университета.

Итак, четахские заводы были причиной к полнейшему разорению всего нашего семейства; из людей богатых мы благодаря им сделались людьми с крайне ограниченными средствами. Если бы не те средства, которые перешли от брата моей матери генерала Фадеева, отказавшегося в пользу своих сестер (как я говорил выше) от своей части в наследстве, то моей матери и ее сестре было бы очень трудно жить, потому что хотя благодаря кавказскому наместнику моей матери и ее сестре и была назначена пенсия, но все-таки после той жизни, которую они вели на Кавказе, существовать только на эту пенсию было бы очень трудно. Кстати сказать, при крепостном праве, когда мы жили на Кавказе, я помню, что одних дворовых у нас было 84 человека. Следовательно, и с помощью денег, доставшихся матери вследствие отказа дяди от участия в наследстве, все же перейти на скромную жизнь в Одессе было для нее крайне тяжело. <...>

Часть вторая

О первоначальном воспитании и образовании

Теперь я хочу последовательно рассказать о моем воспитании и образовании.

Первоначальное образование мне дала моя бабушка, урожденная княжна Долгорукая, т. е. она выучила меня читать и писать. С малолетства я был отдан в руки моей кормилицы и моей няньки. Кормилица моя была вольнонаемная; муж ее был солдат Стрелкового батальона, находившегося в Тифлисе, нянька же была крепостная, дворовая. Уже с самых молодых лет, можно сказать с детства, я видел некоторые примеры, которые едва ли могли служить образцом хорошего воспитания. Так, муж моей кормилицы, прекраснейшей женщины, которая затем кормила и моих сестер (она еще до сих пор жива; ей 82 года, и она живет у моей сестры в Одессе), был горький пьяница. Я помню, как этот солдат Вакула приходил к своей жене, моей кормилице, которая потом осталась при мне второй нянькой, помню сцены, которые разыгрывались между ними. Муж моей няньки-крепостной был также крепостным; он служил у нас официантом и был также горчайшим пьяницей; при мне постоянно разыгрывались сцены между моей нянькой и ее пьяницей-мужем.

Когда я и мой брат Борис несколько подросли, то нас отдали на попечение сначала дядьки, отставного кавказского солдата, прослужившего 25 лет в войсках, а затем гувернера-француза Ренье, отставного офицера, бывшего моряка французского флота. Мои дядьки (солдаты) вели себя также не особенно образцово; они оба любили выпить, и один из них, несмотря на то, что ему было за 60 лет, на наших детских глазах развратничал. Француз Ренье, который приехал в Тифлис из Франции вместе со своею женою, поместил ее гувернанткой к директору Тифлисской гимназии Чермаку. Этот Чермак был отец известного ученого Чермака, у него было три дочери, и вот Ренье меня и моих братьев во время гулянья всякий раз заво-

дил к Чермакам, чтобы повидаться с женой. Там он познакомился с старшей дочерью этого Чермака и вступил с нею в амурные отношения. Дело кончилось тем, что в один прекрасный день Чермак приехал к наместнику и принес ему жалобу на гувернера, на то, что он развратил его старшую дочь. После этого вдруг у нас, в нашей детской комнате, появились жандармы, которые взяли нашего гувернера Ренье, посадили его на перекладные и административным порядком увезли к Черному морю, передав его на иностранный пароход для отправки за границу. Бедная жена его должна была оставить дом Чермака; она переселилась к нам, поступив бонною к моим сестрам. Это была очень глупая француженка, почти граничащая с идиотизмом, но, в сущности, очень хорошая женщина. Вскоре она покинула Кавказ и уехала к своему мужу. Тогда у нас появился новый гувернер, некий швейцарец, француз Шаван, гувернанткой же моих сестер в это время была француженка Демулян. И вот наш гувернер завел амурные отношения с этой гувернанткой, так что, в конце концов, моим родным их обоим пришлось уволить, причем эта же гувернантка совратила с пути истинного моего старшего брата. Я рассказываю все эти истории, чтобы показать, как трудно уберечь детей, даже если в семействе есть материальные средства, от вещей, их развращающих, если сами родители неукоснительно не занимаются их воспитанием.

После г. Шавана у нас гувернером был русский немец, выписанный моим отцом из Дерпта, некий г. Паульсон. Этот самый гувернер занимался преподаванием нам различных предметов, например истории, географии, а также и немецкого языка. Но немецкий язык мне никогда не давался, и потому, несмотря на то, что у меня был гувернер немец, я немецкому языку не выучился, т. е. на немецком языке не говорю. Одновременно с этим к нам приходила масса различных учителей, все это были учителя Тифлисской классической гимназии, которые готовили нас к поступлению в гимназию. В это время в Тифлисе была только одна классическая гимназия; в этой гимназии были интерны (ученики, которые там жили), экстерны и сравнительно меньшее количество вольнослушателей, которые допускались только в особых случаях. И вот меня и брата, ввиду того положения, которое занимали мои родные, допустили в качестве вольнослушателей в 5–4-й классы.

В это время в гимназии было всего 7 классов, и, таким образом, в гимназии я был в качестве вольнослушателя в течение <четыре>х лет; при этом я прямо переходил из класса в класс, не сдавая переходных экзаменов. Занимался я очень плохо, большею частью на уроки не ходил; приходя утром в гимназию, я, обыкновенно, через час-полтора выпрыгивал из окна на улицу и уходил домой. Вследствие того что мы были вольнослушателями и ввиду особого, всем известного положения, которое занимали наши родители, учителя не обращали на нас никакого внимания, потому что они не были ответственны ни за наше учение, ни за наше поведение. В бытность нашу в гимназии к нам на дом постоянно приходили учителя той же самой гимназии, которые давали нам параллельно уроки по тем же предметам, которым они нас учили в гимназии.

Я забыл сказать, что когда мы жили на Кавказе, в Тифлисе, мне и брату мешало отчасти заниматься то обстоятельство, что мы чрезвычайно увлекались музыкой. Тогда там была консерватория, директором которой был г. Зейне, и мы с братом очень усердно занимались музыкой. Сначала нас учил играть на различных духовых инструментах, преимущественно на флейте, флейтист оркестра какого-то военного полка, а потом мы уже учились в упомянутой выше консерватории, где преподавали артисты из итальянской оперы. Вообще я и мой брат гораздо больше времени тратили на музыку, нежели на все остальные предметы; кроме того, мы постоянно занимались верховым спортом, затем упражнениями на рапирах и эспадронах, чему придавал особое значение наш дядя генерал Фадеев, который требовал, чтобы к нам приходил учитель фехтования тамошних войск, который нам преподавал искусство фехтовать, драться на рапирах и эспадронах. <...>

Наконец наступило время, когда надо было держать экзамен, для того чтобы поступить в университет. Я держал экзамены чрезвычайно плохо, и если бы не учителя гимназии, которые в течение <четыре>х лет к нам ходили, и, конечно, получали при этом соответствующее вознаграждение, то я, вероятно, никогда бы экзаменов не выдержал, а так, еле-еле, с грехом пополам, я получал только самые умеренные отметки, которые мне были необходимы для того, чтобы получить аттестат. Я нисколько не огорчился тем, что обыкновенно ни на одном экзамене не мог дать удовлетворительного ответа, но вот, в конце концов, произошел следующий инцидент. Так как мы дома болтали большею частью по-французски, то, понятно, мы бегло говорили на этом языке и, пожалуй, даже лучше, нежели по-русски. Когда я и мой брат пришли держать экзамен по французскому языку, то нас экзаменовали: учитель естествознания некий Гугуберидзе и учитель математики Захаров, которые, говоря на французском языке, выговаривали французские слова, так сказать, как «коровы»... И вот вдруг эти учителя, экзаменуя нас по-французски, признали, что мы французский язык плохо знаем, и поставили нам по 3. Это меня и брата крайне удивило, а так как мы были большие шалуны, то когда учителя вышли из гимназии, мы пошли за ними по улицам и все время сыпали относительно них ругательства и бросали в них грязью. После такого инцидента хоть нам и выдали аттестаты, и мы кончили курс гимназии, но за поведение нам поставили по единице.

С таким аттестатом, когда мне было 16 с половиной лет, я отправился с братом в университет. До 16 с половиной лет я на Кавказе жил безвыездно, и это был мой первый выезд с Кавказа. Нас повез отец. В это время попечителем Киевского учебного округа был брат моего отца сенатор Витте, поэтому естественно, что нас отец повез именно в Киев, чтобы там определить в университет, но дорогою, в Крыму, отец получил телеграмму, что его брат, Витте, переведен из Киева и назначен попечителем учебного округа в Варшаву. Тогда этот последний пост считался выше, нежели пост попечителя обыкновенного учебного округа, так как в то время Царство Польское имело свое особое управление, и попечитель учебного округа в Варшаве имел очень большие права и полномочия. Ввиду того что мой дядя должен был покинуть Киев (а тогда между Одессой и Киевом не было железной дороги, а следовательно, и проезд был не так прост), мы остались в Одессе. В это время попечителем учебного округа в Одессе был Арцимович, поляк, правовед, которого хорошо знал мой дядя, сенатор Витте, так как этот последний раньше был инспектором правоведения. Вследствие этого он рекомендовал нас Арцимовичу, и мы с отцом и матерью, которая нас также сопровождала, остановились в Одессе. Несмотря на протекцию попечителя учебного округа Арцимовича, нас в Одессе, конечно, в университет не приняли. Тогда Новороссийский университет только что открылся, или, вернее сказать, был преобразован из Ришельевского лицея в Новороссийский Императорский университет. Не приняли нас 1) потому что мы имели за поведение единицу и 2) потому что мне было 16 с половиной лет, а в это время вышло правило, по которому в университет не принимали моложе 17 лет, и таким образом мне недоставало полугода. Вследствие этого наш отец поместил нас в Ришельевскую гимназию и затем уехал опять обратно по месту своей службы на Кавказ.

Подготовка к поступлению в университет

Мы остались вдвоем с братом совершенно одинокими. Я начал ходить в гимназию, а мой брат определился вольнослушателем в Новороссийский университет; так что он даже в гимназию и не ходил. Когда мы остались одни, у нас, в сущности у меня, явилось сознание того, что я никогда ничему не учился, а только баловался и что таким образом мы с братом пропадем. Тогда у меня явилось в первый раз сознание и соответственно с этим проявился и собственный характер, который руководил мною всю мою жизнь, так что вплоть до настоящего времени я уже никогда не руководился чьими-либо советами или указаниями, а всегда полагался на собственное суждение и в особенности на собственный характер. Вследствие этого я до известной

степени забрал в руки моего брата, который был на год старше меня. Говорю «до известной степени», потому что мой брат, будучи любимцем моего отца и матери, был ими чрезвычайно избалован, а вследствие этого был гораздо распушеннее меня. Кроме того, по природе своей он не имел того характера, который был у меня.

Когда у меня явилось сознание, что так дальше жить нельзя, так как мы иначе погибнем, я поступил таким образом: я уговорил моего брата переехать в Кишинев и там поступить пансионерами к какому-нибудь учителю, который бы нас подготовил так, чтобы мы могли снова выдержать выпускной экзамен в гимназии. Соображения мои заключались в том, что если мы приедем в город, нам совершенно неизвестный, в котором мы решительно никого не знаем, и поступим к учителю, который будет заинтересован в том, чтобы нас подготовить настолько хорошо, чтобы мы могли выдержать экзамен, то это даст нам наибольшую гарантию в том, что мы не будем выбиты из колеи и, наконец, поступим в университет, для чего, конечно, необходимо было серьезно заниматься. В Кишиневе мой брат нашел учителя математики, некоего Белоусова. На другой день по возвращении моего брата из Кишинева мы с ним отправились из Одессы сначала по железной дороге до станции Раздельной, а потом на перекладных в Кишинев. В Кишиневе мы поступили пансионерами к этому учителю гимназии Белоусову, о чем дали знать отцу, который был всем случившимся крайне удивлен. Он начал нам присылать надлежащие деньги, и мы взяли себе соответствующих учителей. С этих пор мы с братом более полугода занимались, можно сказать, и день и ночь, и все-таки этих занятий было недостаточно, потому что в действительности мы с братом были полными невеждами, решительно ничего не знали, потому что никогда ничему серьезно не учились, а только умели хорошо болтать на французском языке. Этот учитель математики Белоусов был прекраснейший человек, но имел один порок – он пил. Так как напивался он довольно часто, то мы нередко бывали свидетелями сцен, происходивших между ним и его женой, которая также пила. Бывало, дня по два-три мы его совсем не видали, так как он в это время сидел у себя безвыходно в комнате и пил. Тем не менее занимались мы очень усердно, и в это время у меня проявились большие способности к математике. Наконец прошло 6 месяцев и наступил срок держать выпускной экзамен. В это время директором гимназии был Яновский, который впоследствии был попечителем учебного округа на Кавказе, а потом членом Государственного совета (в то время, когда я сделался молодым министром). Яновскому, который был тоже математик, мой учитель Белоусов сказал про меня, что я обладаю большими математическими способностями, вследствие чего Яновский уговорился со мною следующим образом: если при самом строгом экзамене я по всем математическим предметам, т. е. по арифметике, геометрии, алгебре, физике, математической физике, метеорологии, физической географии, математической географии, одним словом, по всем физико-математическим предметам получу по пяти [баллов], то тогда он меня проведет и даст мне хороший аттестат и по другим предметам. Мой же брат, наоборот, математические предметы знал довольно слабо, но зато другие предметы он знал лучше меня, потому что занимался преимущественно ими более полугода. Яновский экзаменовал меня сам по всем математическим предметам, и по всем этим предметам я получил 5, благодаря этому Яновский, в качестве директора гимназии являясь постоянно на другие экзамены, сам меня экзаменовал, в сущности говоря, задавал мне самые элементарные, простые вопросы и ставил средние отметки. Таким образом я и мой брат кончили курс Кишиневской гимназии, затем переехали в Одессу и поступили там в университет. <...>

О пребывании в университете

В университете я поступил на математический факультет, а мой брат на юридический. Известно, что как тогда, так и теперь юридический факультет – это такой факультет, на котором меньше всего можно заниматься, – так было тогда, так обстоит дело и до настоящего вре-

мени; наоборот, на математическом факультете, или, как он тогда назывался, «физико-математическом», не заниматься невозможно. В противоположность моим занятиям в гимназии, где я ровно ничего не делал, поступив в университет, я занимался и днем и ночью, и поэтому за все время пребывания моего в университете я действительно был в смысле знаний самым лучшим студентом. Я до такой степени много занимался и так знал предметы, что никогда к экзаменам не готовился (в то время были переходные экзамены из одного курса на другой), а большею частью читал или объяснял моим товарищам все лекции по билетам. Напротив того, мой брат обыкновенно в течение года ровно ничего не делал и начинал приготавливаться только к экзаменам; переходил он с курса на курс с грехом пополам и кончил курс в университете хотя и со степенью кандидата, но все же еле-еле, тогда как я кончил курс в университете лучше всех и имел среднюю отметку круглые 5 $\frac{1}{2}$ [баллов]⁶¹.

По окончании курса в университете я должен был получить золотую медаль, но для этого нужно было написать сочинение на заданную тему. Сначала я написал диссертацию на получение звания кандидата, а именно диссертацию: «О бесконечно малых величинах». Помню, что эта диссертация была очень оригинальная, потому что по предмету чистой математики она не заключала в себе никаких формул, а в ней были только одни философские рассуждения. Кстати, я припоминаю, что, проходя в Париже года два тому назад по одной из улиц, где находятся большие книжные магазины, я остановился перед одной из витрин, на которой были выставлены разные математические книги и журналы, начал рассматривать их и вдруг среди математических книг я, к моему удивлению, увидел выставленной кандидатскую диссертацию «О бесконечно малых величинах», которую я написал лет сорок тому назад; она была переведена на французский язык.

Затем мне нужно было написать диссертацию на получение золотой медали. Диссертация эта была дана по астрономии, но в это время я влюбился в одну актрису, Соколову, а поэтому не желал больше писать диссертации. Таким образом, хотя я первым кончил курс в университете, но золотой медали я не получил, а получил ее следующий находящийся за мною студент. Тем не менее я твердо решил остаться при университете. Одним из моих ближайших товарищей был Лигин (будущий попечитель учебного округа в Варшаве), хотя он и был курсом старше меня; Лигин решил остаться при университете по кафедре механики, а я – по кафедре чистой математики.

<...>

Теперь я хочу рассказать несколько воспоминаний из университетской жизни. Будучи студентом, я принадлежал к числу студентов наиболее правых. В это время преобладало атеистическое направление, и кумирами молодежи были Писарев, Добролюбов и Чернышевский. Между студентами были братья Миллеры, которые уже раньше побывали в Сибири в качестве сосланных. Будучи студентом, я мало занимался политикой, потому что постоянно занимался ученьем, но постольку, поскольку я ею занимался, я всегда был против всех этих тенденций, ибо по моему воспитанию был крайним монархистом, каким остаюсь и до настоящего времени, а также и человеком религиозным. <...>

Из архива С. Ю. Витте. Т. 1: Рассказы в стенографической записи. Кн. 1. СПб., 2003. С. 22–36, 50, 52–55, 64–71.

---

⁶¹ В образовательной системе Российской империи существовала, наряду с официальной пятибалльной (установлена в 1837 г.), и дробная схема начисления баллов, в которой $\frac{1}{2}$ балла соответствует современным «плюсам». – *Примеч. ред.*

В. С. Нарышкина-Витте **Воспоминания русской девочки**

Часть первая

VIII. Юная анархистка

Однажды за обедом папа рассказал историю из своего детства, которая очень заинтересовала девочку. Его дед Фадеев, занимавший важную должность на Кавказе, очень любил внука, непоседу и шалуна, и всегда держал его при себе. Однажды ему нужно было отправиться в поездку с инспекцией, но он не хотел расставаться с внуком. Его сопровождало много чиновников. Они от души ненавидели фаворита их начальника, который беспрестанно причинял им всевозможные несчастья на протяжении всей дороги. Ехали они в экипаже на перекладных и избежать неприятного соседства не могли.

Мальчуган испытывал глубокую неприязнь к этим чинушам и только и искал возможности доставить им новые неприятности.

Путешественников одолевал сон. Разморенные жарой, они не могли уже поднять век. Тряска экипажа мягко убаюкивала, и они приготовились хорошенько отдохнуть.

Даже великолепные виды, открывавшиеся перед ними, не могли разогнать овладевавшее ими сонное оцепенение. Прекрасная Грузия с ее царственным, увенчанным снегами Казбеком оставляла их равнодушными. Вскоре эти лысые пузатые люди мирно храпели.

Мальчик воспользовался этим временным затишьем, свернул трубочки из очень тонкой бумаги, вставил их по очереди в дрожащие ноздри чиновников. Затем он с невинным видом опять уселся на место.

Раздалось громкое чихание, потом еще, и вскоре вокруг было слышно только «апчхи». Бедные жертвы просыпались, еще не понимая, что с ними происходит, и в ярости, что потревожили их сон. Сияющее лицо ребенка возбудило их подозрения. Они замолчали, но между собой решили отомстить ему, как только представится возможность. Судьба была к ним благосклонна. Господин Фадеев должен был отлучиться на целый день и поручил своего драгоценного внука заботам своих подчиненных.

– Лишь бы гадкий мальчишка ни о чем не догадался, – сказал один из них, – начальник нас никогда не простит!

Они предложили мальчику прогуляться по лесу. Обрадовавшись возможности посмотреть незнакомое место, он с радостью последовал за ними. Хорошее настроение, в котором пребывали обычно угрюмые чиновники, его немного удивило, но он радовался предстоящим развлечениям и забыл об этой мелочи.

Проходя мимо огромного дуба, в листве которого сверкали тысячи желудей, они намеренно обратили на него внимание мальчика.

– Как бы я хотел забраться на самую верхушку, – воскликнул он, – но у меня ни за что не получится!

– Но мы, конечно же, охотно вам поможем. Положитесь на нас, – в один голос ответили заговорщики.

Мальчик не заставил их повторять это предложение. Его подняли, и он, цепляясь за большие ветки, стал ловко, как бельчонок, карабкаться вверх. Когда он взобрался на самую верхушку, внезапно раздалось грозное рычание. Он наклонился и, к своему ужасу, обнаружил

привязанного к стволу медвежонка, который топал лапами в ярости, что его лишили свободы. Ребенок не осмелился спуститься. Он позвал на помощь. Никто не шел, медведь рычал все громче и громче, и эхо разносило по лесу жалобы этих двух существ. Время шло. Лучи заходящего солнца обагрили листву, надвигались сумерки. Ребенок в ужасе от мысли, что придется провести всю ночь, а может быть, и следующий день в компании свирепого зверя, едва дышал. Наконец послышались шаги, это его тюремщики пришли освободить несчастного. Они пригрозили ему еще более суровым наказанием, если он когда-нибудь проболтается об этом случае деду.

Он пообещал молчать. Он был так рад, что избавился от своего опасного соседа, что даже не сердился на тех, кто подстроил ему эту неприятность. В последующем он остерегался причинять им малейшее неудовольствие. <...>

Х. Одесские тетушки

На несколько дней собирались поехать в Одессу. Девочка очень радовалась, что наконец-то увидит своих тетушек. Она их знала лишь по письмам, которые родственницы присылали ей по праздникам. Мисс и Арапка должны были остаться дома, и она чувствовала себя независимой и гордой. Никогда еще она не ездила в так роскошно обустроенном вагоне. На всех станциях Юго-Западной железной дороги отца принимали особенно сердечно. Многие чиновники служили под его началом, когда он еще возглавлял эту важную линию. Прогуливаясь с дочкой на одной из промежуточных станций, он остановился у локомотива, беседуя со служащими, которые слушали его с большим почтением.

Лицо механика показалось ему знакомым, и он стал пристально вглядываться в него. Вдруг его лицо просияло и выражение его смягчилось. Окликнув рабочего, он горячо пожал ему руку. Оба были рады этой встрече через двадцать пять лет. Механик узнал в министре с седеющей бородой Сергея Юльевича Витте, который некогда исполнял скромные обязанности начальника этой самой станции. Обрадовавшись встрече, рабочий забыл, что был весь в саже, и, к великому ужасу подбострастных чиновников, рука министра после крепкого пожатия стала такой же черной и грязной.

Подобные эпизоды разнообразили их путешествие, и время текло незаметно. К своему великому удивлению, девочка узнала, что завтра утром они должны прибыть в Одессу.

На платформе вокзала среди официальных лиц она заметила двух дам в черном, одну маленькую и худую, другую полную. Как только отец вышел из вагона, они бросились ему на шею со слезами на глазах, а потом принялись обнимать девочку. Они говорили одновременно и казались очень взволнованными. Это были ее тетушки. Придя в себя после этих проявлений нежности, девочка рассмотрела их: тетя Ольга была поразительно похожа на отца. Она была того же роста, у нее был такой же голос и даже его улыбка. Тетя Софья, смуглая и худенькая, с огромной бородавкой на подбородке, лихорадочно обмахивалась японским веером, на котором была изображена Фуджи в лунном свете. Она считала, что обладает литературным талантом и, к отчаянию брата, писала романы, которые подписывала такими же, как у него, инициалами – С. В. Читатели этих сентиментальных повестей в некотором удивлении полагали, что их автор Сергей Витте.

Стояла тропическая жара. Блеск солнца слепил глаза. С вокзала поехали прямо на кладбище. В экипаже тетушки засыпали родителей вопросами. У семейного склепа уже ждали духовенство и певчие. Сразу же началась панихида. Молитвы за недавно умершую бабушку не трогали девочку, она ведь ее никогда не видела, но горестное выражение лица папы ее расстроило.

После службы направились в гостиницу. Вдоль пути собравшиеся на тротуарах люди с любопытством разглядывали министра, которого считали одесситом, так как он учился в университете их города. Он чувствовал, что в Одессе его каждый раз принимают от всего сердца.

Его именем даже называли одну из новых улиц. Хозяин гостиницы «Лондон» Ятчук не знал, как еще выразить ему свою преданность. Когда-то у него был ресторанчик, который посещали люди небольшого достатка, среди завсегдатаев этого скромного заведения был и будущий государственный муж, тогда бедный студент. Ятчук взволнованно вспоминал те старые времена. Единственное, чем он мог воздать почести своему знаменитому гостю, была особая забота о его трапезах. Первый завтрак, который им подали в гостинице «Лондон», напоминал пиры Лукулла с их кулинарными изысками. Ятчук самолично обслуживал дорогих гостей и, блаженно улыбаясь, говорил:

– Помните, ваше превосходительство, как в молодости вы любили хорошо прожаренный бифштекс с жареной картошкой? Ну и аппетит у вас тогда был! Я лишь глаза закрою и вижу вас в студенческой форме, как будто это вчера было.

Девочка молча слушала и наслаждалась изысканными блюдами, которые им подавали.

На вторую половину дня был назначен визит к тетушке Наде. Ей было восемьдесят лет, она так никогда и не была замужем, потому что не хотела оставлять сестру Катю, с которой их разлучила лишь смерть последней. Она перенесла эту любовь на ее детей и относилась к ним как к собственным. Ее квартира располагалась на той же лестничной площадке, что и жилище племянниц, Софьи и Ольги. В гостиной, заставленной мебелью, как антикварная лавка, нельзя было шагу ступить, чтобы что-нибудь не уронить. В большом кресле, обитом зеленым бархатом, сидела хозяйка дома Надежда Андреевна Фадеева. Ее морщинистое лицо дышало бесконечной добротой. Одета маленькая сгорбленная старушка была в свободный жакет и юбку из черного драпа. Рядом с ней сидела высокая толстая старуха, которая с криком радости поспешила в объятия отца девочки. Это была его кормилица, которая продолжала жить с ними и к которой относились как к члену семьи.

Тетушка Фадеева тоже обрадовалась племяннику, с которым нянчилась в Тифлисе, в доме родителей, где собиралась вся семья.

Рядом с гостиной находился ее кабинет с огромной библиотекой. На стенах висели портреты предков. Надежда Андреевна воплощала не только историю нынешней семьи, но и всех трех ее поколений. <...> За работы в области естественных наук ее [мать] собирались принять в Академию наук. Она завещала этому учреждению собранную ею коллекцию флоры Кавказа. Она вела переписку со многими европейскими учеными. Судя по портретам, ее внук Витте был очень на нее похож⁶².

В столовой пел самовар. Все расселись за круглым столом. Девочка, чувствовавшая смущение в этой новой обстановке, молчала; тетушки потчевали ее конфетами, пирогами и вареньем, восхищаясь ее образцовым поведением. Они ожидали встречи с непоседливым ребенком, а увидели примерную девочку. Было видно, что эти три женщины боготворят ее отца. Они жадно ловили каждое его слово и не сводили с него глаз, когда он говорил.

В углу его старая кормилица вязала шерстяной чулок и бросала украдкой нежные взгляды на этого человека, казавшегося еще выше в этой скромной комнате. Теперь ее маленький Сережа стал важным человеком империи, но он остался прежним. Маятник старинных часов красного дерева, стоявших на камине, нежно качался. Часы тикали негромко, осторожно, словно боялись нарушить это семейное сборище. Горшки с геранью на окнах оживляли уютный интерьер. Здесь отовсюду веяло прошлым, и каждый предмет находил отклик в душе.

Раздался громкий лай. Тетушки засуетились и бросились открывать дверь. На пороге появился жирный и неприятный мопс. Отец девочки терпеть не мог маленьких собак, но из почтения к пожилой родственнице смолчал. Она нежно любила это противное животное и некогда даже брала его с собой в театр, чтобы Бобик, оставшись дома, не заскучал. Бобик спрятался под столом, потом, рыча, обошел ноги всех гостей, пытаясь их укусить. Девочке

---

⁶² С. Ю. Витте был внучатым племянником Н. А. Фадеевой.

было очень беспокойно, а ее отцу и того хуже. Тетушки сразу же засуетились вокруг собаки, которой подали миску молока и сладкое печенье.

Когда рассеялись первые впечатления, девочка начала скучать в обществе всех этих взрослых. Она должна была сопровождать родителей, как тень, и слушать разговоры, которые нисколько ее не интересовали.

Она считала часы, которые отделяли ее от встречи с мисс, Арапкой и даже Степанидой. Жара стояла такая, как будто настал Судный день. Прогулки не доставляли ни малейшего удовольствия, потому что на зубах скрипела пыль. Наконец настал долгожданный день отъезда. Радуюсь, что возвращается на острова, девочка крепко обнялась с тетушками и пообещала им часто писать. Старушки плакали, прощаясь с любимым братом, благословляли его и обнимали: но их нежности не трогали сердца племянницы. Она мечтала лишь об одном: уехать. На вокзале она с нетерпением ждала третьего звонка, боясь, как бы родители вдруг не передумали и не решили остаться в Одессе подольше. Когда поезд наконец тронулся, она долго смотрела на платформу, где две женские фигуры в черном махали платками.

Нарышкина-Витте В. С. Воспоминания русской девочки // Воспоминания В. С. Нарышкиной-Витте. М., 2005. С. 38–40, 46–51.

А. Е. Кауфман

Черты из жизни гр<афа> С. Ю. Витте

<...> Колыбелью карьеры графа С. Ю. Витте была Одесса. Там он провел свою довольно бурную молодость. В Одессе Сергей Юльевич учился в университете и начал свою службу на Одесской железной дороге в качестве конторщика при весах, был контролером, изучал железнодорожное дело в мастерских, ездил часто на паровозе и исполнял одно время обязанности начальника одной из южных станций.

<...> На Одесской железной дороге Витте выдвинулся и достиг «степеней известных», обратив на себя внимание во время Русско-турецкой войны своею умелою распорядительностью при перевозке войск.

Не последнюю роль в карьере будущего премьер-министра сыграли директор Русского общества пароходства и торговли, которому была подчинена и Одесская железная дорога, старый одессит Чихачёв, и министр финансов И. А. Вышнеградский, ознакомившийся с деятельностью энергичного железнодорожного служащего в бытность свою председателем правления Юго-Западных железных дорог.

С. Ю. Витте оказывал всегда всяческое содействие и покровительство своим бывшим знакомым, начальникам, сослуживцам и школьным товарищам.

В молодости Витте был вхож в семью Рафаловичей в Одессе. И все Рафаловичи при министре финансов Витте сделали карьеры по финансовому ведомству, в банковских и т. п. учреждениях.

Городским головою Одессы, когда Витте окончил университет, был знаменитый прожектор Н. А. Новосельский, много сделавший для благоустройства Южной Пальмиры. Но Новосельский терпел неудачи за неудачами. Английская газета «Нонс» обвинила его в получении «промесс» от устроителя одесского водопровода. Во время Русско-турецкой войны Новосельский получил подряд на поставку для офицеров, и на него полился в печати дождь обвинений в злоупотреблениях. Запутался он и при эксплуатации своих тквибульских угольных копей на Кавказе.

Разорившемуся Новосельскому пришел на помощь Витте, и он получил место члена совета при министре финансов.

Другой одесский городской голова, профессор В. Н. Лигин, с которым Витте сблизился в Новороссийском университете, по протекции Сергея Юльевича получил место попечителя Варшавского учебного округа. Витте прочил его в министры народного просвещения, но преждевременная кончина прервала карьеру Лигина.

Вынужденный прервать свою преподавательскую деятельность популярный профессор истории в Одессе Г. Е. Афанасьев назначается, благодаря Витте, управляющим конторой Госуд<арственного> банка в Киеве.

Бывший товарищ министра финансов Романов – сослуживец графа Витте по Одесской железной дороге.

К своим подчиненным Витте относился всегда снисходительно, требуя от них лишь знания дела. Романов отличался большою рассеянностью. Однажды из управления дороги пропала папка с очень важным делом. Долго не решались доложить об этом Витте. Наконец ему стало известно о пропаже.

– Да вы не там искали, где следует, – заявил Сергей Юльевич, – поищите-ка в карманах Романова!

И искомое было найдено в карманах рассеянного чиновника.

В большой дружбе был Витте со своим начальником по Одесской железной дороге Б. А. Магнером и сослуживцем Ф. К. Штерном. Магнер оказался впоследствии в подчинении у сво-

его бывшего подчиненного, то есть у Витте, но отношения обоих были всегда самые дружеские и близкие. Еще за две недели до кончины своей Витте хлопотал об освобождении Магнера из австрийского плена, а когда тот, не выдержав военнопленного режима, умер в пути, в Бухаресте, Витте хлопотал о перевезении его тела в Одессу.

Любил Витте одесситов и самую Одессу, свою «вторую родину», как он называл ее. Он выработал в бытность свою министром путей сообщения весьма выгодные для одесской торговли и промышленности тарифные ставки, содействовал устройству портовой эстакады и всяких усовершенствованных оборудований для одесского порта.

Много десятков лет подряд одесские лорд-мэры и высшая администрация тщетно ходатайствовали об открытии при Новороссийском университете медицинского факультета, столь важного в курортном городе. С. Ю. Витте сумел преодолеть все препятствия⁶³. В награду за это его избрали почетным гражданином и присвоили его имя Дворянской улице, где университет расположен⁶⁴.

Однажды Витте отправился с городским головою П. А. Зеленым в университет.

– На Дворянскую улицу! – крикнул Витте кучеру.

– На улицу Витте! – поправил его Зеленый⁶⁵.

Витте словно предчувствовал, что «улица Витте» недолго просуществует: черносотенная одесская дума поспешила отменить постановление своей предшественницы с благословения градоначальника, известного генерала Толмачёва⁶⁶.

Когда одесситу нужна была протекция, он смело шел к министру из одесситов, в полной уверенности, что добьется желаемого.

Представители торгово-промышленного класса хлопотали о разных льготах. Родители-евреи – о приеме их детей в учебные заведения сверх процентной нормы и т. д.

Старый одесский нотариус Гурович, имевший какую-то тяжбу с казной, вел оживленную переписку по этому поводу с С. Ю. Витте, который охотно принял на себя хождение по делу своего земляка.

Когда исполнилось какое-то «-летие» государственной деятельности Витте, редактор газеты, в которой я работал, обратился ко мне с такою просьбою:

– Витте – одессит, и вы – бывший одессит. Попробуйте-ка отправиться к нему и побеседовать кое о чем!..

И действительно, одного упоминания по телефону, что я одессит, было достаточно, чтобы через полчаса я сидел в хорошо знакомом виттевском кабинете в «Белом доме» и беседовал с бывшим премьером. Значительная часть беседы, помню, была посвящена расспросам Витте об общих одесских знакомых и воспоминаниям о пребывании в Одессе, о бегстве, вопреки родительскому запрету, в Кишинев, где не окончивший гимназии в Тифлисе молодой Витте предполагал сдавать экзамены.

С. Ю. Витте любил Одессу, но еще больше любили его одесситы, среди которых он был крайне популярен. Его не называли ни Витте, ни графом, а просто – «Сергеем Юльевичем».

Каждый новый этап на пути государственной деятельности бывшего одессита сопровождался посылкой ему одесским муниципалитетом и его земляками самых горячих приветственных телеграмм и поздравлений.

---

⁶³ Факультет был открыт в 1900 г.

⁶⁴ С. Ю. Витте стал почетным гражданином Одессы в 1894 г., улица Витте появилась в 1902 г.

⁶⁵ Правильно – П. А. Зеленой. – *Примеч. ред.*

⁶⁶ 19 июня 1909 г. улица Витте получила имя Петра Великого под благовидным предлогом – в ознаменование 200-летия Полтавской битвы.

С. Ю. Витте часто заезжал в Одессу, где служил покойный его брат Борис – сначала прокурором, а затем председателем судебной палаты и где и посейчас проживает его любимая сестра.

Одесситы, знавшие выдающегося государственного деятеля, когда он еще был простым конторщиком и газетным сотрудником, с удовольствием отмечали всегда, что он «ничуть не переменился». Те же чуждые всякой претензии на аристократизм манеры, та же неуклюжая и несколько грубоватая речь, те же усвоенные в Одессе неправильные обороты.

Известно, что на первых порах своей государственной деятельности в столице Витте немало шокировал своих коллег простотой и демократичностью. На какое-то торжественное собрание С. Ю., занимавший тогда уже довольно высокий пост, явился без знаков отличий и ленты. Это отнесли к его демократизму, и ему сделано было замечание.

– Я не ношу орденов и ленты потому, что я их не имею! – был ответ!

Хорошо относился С. Ю. Витте к одесситам, но не могут жаловаться на него и деятели печатного слова.

– Печать, – говорил Витте, – есть могучая сила, с которой должен считаться весь мир...

И граф Витте и на заре своей служебной деятельности, и по достижении им высокого положения на государственной иерархической лестнице, и на закате своей жизни, находясь уже не у дел, «считался с печатью»; он принимал и сам в ней участие своими статьями, доставлявшимися им материалами и постоянными беседами с журналистами, для которых он был доступен во всякое время дня и даже ночи – в экстренных случаях.

Деятели печати отнюдь не избалованы благожелательным к ним отношением наших государственных людей. «Газетчиков», кроме разве заморских, часто не подпускают на пушечный выстрел туда, где вершатся и не столь важные государственные дела.

Граф С. Ю. Витте составлял всегда счастливое исключение среди «власть имущих» своим отношением к деятелям печатного слова.

В министерском коричневом доме на Мойке, в Белом доме на Каменноостровском и в отведенных для Витте апартаментах в Зимнем дворце в бытность его премьер-министром можно было встречать и именитых писателей, и скромных журналистов, и газетных работников. Со многими из них граф Витте был в самых дружеских отношениях.

Однажды на прием в Министерстве финансов записались несколько десятков человек. Были тут и губернаторы, даже один министр, были и журналисты.

Просмотрев список с именами явившихся, Сергей Юльевич отметил карандашом тех, кого он желал принять в первую голову, без соблюдения обычной очереди.

– Вас просит министр! – обратился дежурный чиновник к находившемуся в приемной издателю столичной газеты, явившемуся на прием позже других.

Ожидавший в приемной курский губернатор граф Милютин, едва за издателем закрылась дверь министерского кабинета, стал громко выражать свое неудовольствие:

– Помилуйте, разве это порядок! Летишь сюда из-за тридцати земель по не терпящим отлагательства административным делам, в которых заинтересована целая губерния, а ты вдруг изволь ждать тут в приемной, пока окончится беседа с каким-то газетчиком!..

Граф Милютин выразился несколько резче насчет «газетчика»...

Но вот на пороге появился издатель, и дежурный чиновник подмигнул другому причастному к печатному слову деятелю —

В. А. П-ву, до которого не дошла еще очередь. П-в был некогда одесским корреспондентом большой петроградской газеты, когда Витте служил на Юго-Западных железных дорогах.

– Я вас, Сергей Юльевич, – начал было П-в, – не задержу, так как у вас там в приемной масса народа. Кто-то высказал даже неудовольствие по поводу несоблюдения очереди...

– А мне в высокой степени наплевать! – ответил Витте, выразившийся всегда несколько резко. – Мне-то самому лучше знать, когда кого принимать!..

И он стал забрасывать П-ва вопросами об интересовавших его в то время предметах, а попутно делился своими замыслами и планами. Витте был тогда поглощен сберегательными кассами, которыми его собеседник мало интересовался.

– Столько в наши кассы потечет народных сбережений, – хвастал министр финансов, – что мы выдержим самую большую войну, если, Боже упаси, вынуждены будем воевать...

<...>

Уезжая летом на воды, Витте и там не расставался с «братьями-писателями». В Биаррице его можно было встречать прогуливающимся с В. М. Дорошевичем, которого, между прочим, расспрашивал об общих знакомых – «одессистах», как он выражался.

В каждом городе, где он жил, Витте имел своих знакомых и друзей среди журналистов. В Киеве он сблизился с редакторами «Киевлянина» Д. И. Пихно и «Киевского слова» – Антоновичем, у которого печатал свои статьи по железнодорожным и финансовым вопросам. И Антонович, и Пихно при содействии Витте сделали государственные карьеры, получив посты товарищей министра.

В Одессе Витте, занимая место конторщика на железной дороге, принимал участие и в местной печати. В прогрессивной газете «Правда» появлялись время от времени злободневные фельетоны за подписью «Зеленый Попугай», и товарищи по перу автора этих фельетонов не подозревали, что их сосед по газете променяет впоследствии редакционный портфель на портфель министра, и они, как некий одесский журналист С. Г. Ярон, смогут называть себя «товарищами министра».

В другой одесской газете, «Новороссийском телеграфе», Витте выступил с горячо написанной статьей по славянскому вопросу. Этому же вопросу посвящались его статьи в аксаковских изданиях – «Дне» и «Руси».

Славянолюбие Витте берет начало от дяди по матери, генерала Фадеева, известного патриота и военного писателя. Тяготением к литературе С. Ю. обязан был, по его словам, своей тетке – известной писательнице Елене Ган, писавшей под псевдонимом Зинаида Р., и родственными отношениями с писательницей Желиховской и теософкой Блаватской.

В Одессе на заре своей служебной и газетной деятельности Витте сблизился с «дедушкой одесских фельетонистов» бароном Иксом – С. Т. Герцо-Виноградским. Он не порывает с ним даже тогда, когда барон Икс, вернувшись из ссылки, находился под надзором.

Частые переходы фельетониста из газеты в газету обрекали его на денежные затруднения, и Витте сначала устраивает его на должности на Юго-Западных железных дорогах, а когда Герцо-Виноградский потерял службу и журнальная работа стала его плохо кормить, С. Ю. устроил ему пенсию из учрежденного по его инициативе при Академии наук фонда имени императора Николая II для выдачи пособия литераторам, публицистам и ученым.

На Юго-Западных железных дорогах Витте устроил другого одесского журнального ветерана, талантливого критика и шекспиролога С. И. Сычевского, который, страдая известным пороком, вечно нуждался.

И не один деятель печатного слова, обреченный на склоне дней своих на всякие лишения, помянет добрым словом инициатора хорошего дела.

Когда провинциальные редакторы страдали от гнета местных администраторов и цензуры или существованию их изданий угрожала какая-либо опасность, они искали защиты у Витте – и не без успеха. Закрыли однажды «Одесский листок», кажется, за статью В. М. Дорошевича, о притоне в доме одесского судебного деятеля Шимановского – и Витте добился снятия этой кары и возобновления газеты.

Ходатайствам Витте многие органы печати обязаны своим возникновением в те времена, когда разрешения на новые газеты выдавались с большим трудом.

Провинциальные журналисты любят часто справлять свои юбилеи, празднуя их «на Антона, и на Онуфрия». И Витте аккуратно посылал юбилярам свои поздравления и юбилейные приветствия.

Посещая Одессу, Витте не забывал своих старых знакомых из журнального мира.

И в столице были журналисты и издатели, которым Витте оказывал содействие «в минуты жизни трудные».

Разрешение на довольно распространенную газету, в котором многократно отказывали издателю, было добыто бывшим министром финансов. Это не помешало тому же издателю на столбцах разрешенной при содействии Витте газеты разделять последнего под орех.

Во «дни свобод», когда к бывшему премьеру явилась депутация журналистов, которых он призывал поддерживать его начинания и успокаивать умы, издатель, являвшийся, по словам Сергея Юльевича, его неоплатным должником, разразился довольно резкою филиппикой.

– Ну, и оплатил же мне ваш патрон! – заявил Витте журналисту Р^{уманову}. – Не ожидал я от него такой прыти!..

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.